

**УЗБЕКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ**

Сыздыкбаев Нургали Артыкбаевич

**СПЕЦКУРС ПО ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВУ
АЛИШЕРА НАВОИ**

(Текст лекций)

Ташкент 2006

Утвержден Ученым советом Узбекского государственного университета мировых языков (протокол № от 2006)

Рецензенты: д.ф.н., проф. Мамедов Б.
к.ф.н., доцент Каландарова М.
к.ф.н., доцент Туйчиев А.

Текст лекций спецкурса “Жизнь и творчество Алишера Навои” подготовлен для студентов старших курсов Узбекского государственного университета мировых языков. Он содержит материалы как общего характера о жизни и творчестве великого сына узбекского народа, так и литературоведческий анализ значительных произведений Алишера Навои. В текст лекций включены последние изыскания по Навоиведению, что отличает текст данных лекций от предыдущих. Помимо вопросов в конце текста даются и задания, направленные на творческую работу студентов. Значительно обновлен ссылочный аппарат.

Тема 1: ЖИЗНЕННЫЙ И ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ АЛИШЕРА НАВОИ

План:

1. Эпоха А.Навои.
2. Герат в судьбе А.Навои.
3. Алишер Навои и Хусейн Байкара.
4. Общественная и литературная деятельность А.Навои.

Опорные слова: Мавераннахр, Хорасан, Абдурахман, Джами, Атаи, Саккаки, Лутфи, “Хамса”, газель, рубаи, бейт, кытъя, туюк, мухаммас, суфизм, смена правителя, распад империй, теуриды.

Классическое наследие писателей прошлого, являются неотъемлемой составной частью в строительстве культуры, ярким доказательством которого может стать творчество Алишера Навои. Произведения созданные в XV веке, занявшие достойное место не только в отечественной, но и мировой литературе продолжают служить делу нравственного и эстетического воспитания подрастающего поколения.

Алишер Навои один из величайших писателей мировой художественной литературы. Узбекский народ гордится творческим подвигом своего гениального сына, так же как гордится английский Шекспиром, немецкий Гете, азербайджанский Низами, казахский Абаем, таджикский Джами, русский Пушкиным.

В истории литературы народов Востока поэзия занимала главное место. До нас дошли и стали предметом тщательного изучения некоторые образцы древней тюркской поэзии, известные науке как тюркско-рунические надписи, которые относятся к VI-VIII векам.

Первое известное нам поэтическое произведение на тюркском, т.е. староузбекском языке – дидактическая поэма “Наука быть счастливым” Юсуфа Хас Хаджиба Баласагуни, датируется 1069 годом. Немного ранее была создана эпопея в стихах, написанная на фарси (таджикско-персидском языке) “Шахнаме” Фирдоуси. Бессмертные произведения литературы созданные на этом языке, выдающимися представителями которой были Рудаки, Низами, Руми, Аттар, Саади, Хафиз, Джами и др., проповедовали гуманистические идеи, явились образцом блестящего мастерства художественного слова.

Узбекская литература развивалась на основе этих богатых литературных традиций. Еще до Навои на узбекском языке были созданы

“Мухаббатнаме” (“Книга любви”) Хорезми, “Юсуф и Зулейха” Дурбека, “Махзануласрар” (“Сокровищница тайн”) Хайдара Хорезми, стихи Лутфи, Саккаки, Амира, Атаи, Гадои и многих других.

Однако привезти в движение и раскрыть все творческие возможности родного языка до высшей степени совершенства – исполнение этой миссии выпало на долю Алишера Навои. Великий поэт, выдающийся деятель культуры, мудрый политик и государственный деятель, ученый, художник и музыкант, Навои обладал еще одним особенным талантом – талантом быть и оставаться человеком, ярким доказательством сказанного служат слова великого Навои: “Самым лучшим человеком признай того, от кого будет наибольшая польза для народа”; “Если ты человек, то не признавай человеком того, кто не заботится о благе народа”. Эти мысли были высказаны Навои в эпоху, когда кровавые преступления были типичным явлением; когда из-за соперничества феодальных властителей проливалась кровь народа; когда жестокость и алчность были нормой поведения в кругах титулованных грабителей, имеющих власть над страной. В таких непростых условиях жил, творил великий сын узбекского народа Алишер Навои.

Алишер Навои родился 9 февраля 1441 года в городе Герате, столице Хорасанского государства. Его отец Гиясиддин принадлежал к родовой знати, близкой ко двору правителей Хорасан. А.Навои с раннего детства рос и воспитывался среди людей, умевших ценить красоту художественного слова. Отец будущего поэта, сам любил литературу, часто устраивал литературные беседы дома.

С детства Алишер увлекся чтением произведений классиков персидско-таджикской литературы: Саади, Аттара и других. Все это дало возможность Алишеру взрастить свой поэтический дар, пробудившийся еще в раннем возрасте.

Серьезнейшим событием в отроческие годы Навои было знакомство с оригинальным произведением средневекового Востока – поэмой Аттара “Беседа птиц”. Навои был очарован им, оно открыло перед мальчиком целый мир волнующей, безгранично прекрасной жизни – жизни духа, пленительной мечты, творческого воображения. С 1457 по 1464 год Навои совершенствует свои знания в разных медресе Мешхеда, вернувшись в Герат, до 1466 года был на службе правителя Хорасана и Мавераннахра – султана Абу Саида.

В 1469 году, когда правителем Хорасана становится Хусейн Байкара, по его приглашению Навои прибыл из Самарканда в Герат. Поэт посвятил своему другу торжественную касыду (ода) “Хилалия” (“Новолуние”), в которой поздравил его с победой и выразил уверенность, что царствование его будет ознаменовано торжеством добра и справедливости. Однако реальная жизнь, объективные исторические обстоятельства показали тщетность надежд идеалистически настроенного поэта.

Герат и Хорасан обязаны деятельности Навои свои бурным рассветом, который они получили во второй половине XV век. А.Навои,

покровительствовал поэтам, ученым, художникам, каллиграфам, архитекторам, музыкантам, танцорам, композиторам и другим мастерам различных искусств и ремесел. Такие знаменитые деятели культуры и науки, как историки Мирхонд, Хондемир, Васифи, художник Камилиддин Бехзод, каллиграф Султан Али Мешхеда и многие, многие другие, которым покровительствовал Алишера Навои.

Не имея ни семьи, ни детей, ни наследников, поэт значительную часть своего огромного состояния тратил на благотворительные дела. Он построил немало учебных заведений, больниц, караван-сараев, каналов, мостов, дорог...

А.Навои явился первым поэтом, создавшим на узбекском языке не только огромное количество первоклассных лирических стихов, но и дерзнувшим приступить к сочинению на родном языке “Пятерицы” цикла поэм, который сложился как жанр в творчестве великих поэтов, писавших на таджикско-персидском языке. Эта задача была блестяще разрешена Навои: права узбекского языка оказались прочно утвержденными, а его достоинства – общепризнанными. Так были заложены основы узбекской классической литературы и современного узбекского литературного языка.

Являясь не только писателем, но и лингвистом, историком и теоретиком, музыкантом, он был сведущ в некоторых вопросах и естественных наук, что сыграло большую роль в формировании его мировоззрения. Об этом свидетельствуют его произведения, об этом говорят и его современники. Известный историк Хондамир в своей “Книге благородных качеств” пишет: Слово твое разрешает сложности науки: речь твоя развивает все, сказанное вкратце... Твоему чистому, сверкающему естеству досталось понимание науки естественной. В сердце твоем блистают знания божественные, они согнали с чела мрак пустых забав. Обратилась твоя мысль к математике, и стал разум садом, украшающим рай”.

Литературное, философское, научное наследие Алишера Навои явилось закономерным продолжением того, что было создано до него пытливым человеческим умом на Востоке, прежде всего и больше всего на его родине. Навои внес немалую долю в сокровищницу культуры народов Центральной Азии. Величие Навои в том, что он старался ответить на запросы своей эпохи с передовых, прогрессивных позиций.

Именно гуманистические, патриотические мысли, передовые идеи Навои сделали его великим человеком своей эпохи.

Одной из характерных сторон гуманизма и патриотизма Навои, того нового, что внес он в литературу и философию народов региона, является его учение о любви в широком смысле этого слова.

Творчеству Алишера Навои посвятили свои произведения многие писатели и поэты современности. Так, известный узбекский писатель XX столетия, Айбек написал роман “Алишер Навои”, в которой повествуется о жизни и деятельности великого сына узбекского народа; Иззат Султан и

Уйгун создали драму “Алишер Навои”, в которой рассказывается легенда о любви Алишера и Гули знаток узбекской литературы Лидия Бать посвятила Навои повесть “Сад жизни”. Они не повторяют друг друга, а дополняют, произведения каждого из вышеназванных писателей, это оригинальное творение, посвященное поэту, мыслителю, государственному деятелю. И в настоящее время проводится много изысканий по творчеству Алишера Навои. Произведения Навои переведены на многие языки мира, именем поэта названы города, районные центры, культурные учреждения.

1. Правление тимуридов.

Жизнь и творчество Алишера Навои относится ко второй половине XV века, ко времени правления тимуридов – одному из наиболее сложных периодов в истории Центральной Азии.

Разрушительные войны сметали с лица земли посеы и сады, оросительные сооружения, возведенные талантливыми людьми. Тимур (1336-1405 гг.) создал могучую империю, простиравшуюся от Средиземного моря до границ Китая. После смерти его владения распались, многие страны отделились от этой империи. Наследникам Тимура достались из всех владений Хорасан и Мавераннахр. Развернулась ожесточенная борьба наследников за престол. После продолжительных кровавых распрей престолом овладел Шахрух, который оставил себе Хорасан, а Мавераннахр пожаловал своему сыну Улугбеку. Внешне казалось, что владения тимуридов разделены на две части, а на самом деле в них имелся ряд уделов, в которых правили потомки шаха.

В 1447 году умер правитель Хорасана Шахрух, последний сын Тимура, а в 1449 году, был убит сын Шахруха Улугбек, правитель Самарканда и крупный ученый, астроном. Борьба за престол обострилась. И лишь в начале 50х годов, она немного ослабела, и Хорасаном стал править Абул Касим Бабур (1451-1457 гг.), а Мавераннахром – Абу Саид (1452-1469 гг.). В 1469 г. в одном из сражений предпринятого Абу Саидом наступления на Западный Иран он погибает и правителем Хорасана становится друг детства Алишера Навои Хусейн Байкара (1469-1506 гг.), долгое время боровшийся за престол. Сразу же после захвата власти, Байкара привлекает на свою сторону Навои и других просветителей и с их помощью добивается относительной стабилизации политического режима в стране, несколько укрепляет государственную власть, уделяет большое внимание науке, искусству, литературе, а также много заботится о благоустройстве городов.

Расширение оросительных систем и торговли, развитие ремесел, оживление экономических связей с соседними государствами и возникновение крупных городов подготовили известную предпосылку для культурного прогресса.

В период правления тимуридов такие большие города, как Самарканд, Герат, Андижан, Балх и Бухара, превратились в крупные культурные центры. В них трудилось много ученых, здесь создавали свои творения мастера поэзии и искусства. Медресе Улугбека в Самарканде, Биби-Ханум, Шахи-Зинда, обсерватория Улугбека, Гур-Эмир и другие сооружения – это бессмертные памятники народного зодчества. Слава самаркандских медресе облетела государства Ближнего и Среднего Востока. В культурном развитии Самарканда большую роль сыграл великий ученый-астроном Улугбек. По своим научным воззрениям и просветительским идеям он резко отличался от других правителей.

2. Герат в судьбе А.Навои.

Жизнь и деятельность Навои неразрывно связаны с Гератом. После того, как великий ученый-астроном Улугбек, явившийся одновременно правителем Самарканда (1409-1449), погиб от руки своего сына Абдуллатифа, значение этого города как культурного центра стало заметно уменьшаться. Во второй половине XV века крупнейшим центром науки и искусства становится Герат, столица Хорасана.

Герат издавна славился культурными традициями, однако, тяжелый урон был нанесен ему нашествием монголов: в 1222 году войска Тули, сына Чингисхана, взяли город, разрушили его и почти полностью истребили его население. При сыне Тимура Шахрухе были предприняты крупные восстановительные работы, и Герат вновь обрел славу одного из красивейших и оживленных городов Востока.

Герат лежал на скрещении крупнейших караванных путей – из Ирана в Китай, из Индии в Среднюю Азию. Местные и иноземные купцы торговали на широких базарных улицах. Толпы людей кишела в центре и в северной части города – на улицах, прилегавших к сильно укрепленной цитадели Ихтиаруддин. Город славился художественными ремеслами, замечательными изделиями гончаров, оружейников, каменотесов, ювелиров, каллиграфов, переплетчиков, ткачей...

В Герате было много красивых зданий, более десяти медресе – учебных заведений высшего и среднего типа, одна из крупнейших библиотек того времени, основанная отцом Улугбека – Шахрухом. При библиотеке трудилось множество ученых, переписчиков, художников-миниатюристов, переплетчиков, позолотчиков. В книгохранилище доставляли наиболее ценные рукописные книги, с них изготовлялись великолепные копии. Здесь был составлен сводный текст “Шахнаме” Фирдоуси.

Характерной чертой культурной жизни столицы Хорасана было то, что в ней участвовали, наряду с привилегированными сословиями, также и представители средних слоев городского населения – ремесленники, писцы, торговцы, чиновники, мелкое духовенство.

Во второй половине XV века культурная жизнь Герата была теснейшим образом связана с деятельностью Навои.

Низамиддин Алишер Навои (Навои литературный псевдоним поэта, по-узбекски означает “напевный”, “мелодичный”). Он происходил из знатного тюркского рода. Отец Алишера, Гиясиддин Кичкине, был близок к придворным кругам, и, видимо, ему не чужды были также и литературные интересы. Семья его была связана узами дружбы с семьей будущего правителя Хорасана султана Хусейна. Среди родичей поэта были люди, причастные к литературе и искусству. Можно предполагать, что уже в ранние годы Алишеру доводилось слышать чтение стихов.

С четырех-пяти лет Алишер обучался в одной из школ Герата. Обучение велось на арабском и таджикско-персидском языках, и уже с детских лет будущему поэту открылись сокровища поэзии. В особенности увлекался он поэмой таджикско-персидского поэта Фаридуддина Аттара “Речь птиц” (“Беседа птиц”). Возможно, что именно к этому времени относятся первые попытки Алишера сочинять стихи. Имеются сведения, что уже в пятнадцатилетнем возрасте Навои был известен как поэт, слагающий стихи на двух языках – таджикско-персидском и тюркском (староузбекском).

Вместе с Алишером в школе учился и тимуридский царевич Хусейн Байкара, будущий правитель Герата.

Во время междоусобиц, начавшихся после смерти правителя Герата Шахруха, семья поэта покинула город и вернулась туда только через несколько лет. Около 1457 года Алишер начал учение в одном из медресе в Мешхеде. После недолгого пребывания в Герате, Навои уезжает в Самарканд, где учится в медресе. Здесь он общается с различными учеными и поэтами.

В своей государственной деятельности Навои, несомненно, был передовым человеком своего времени. Разумеется, он не был сторонником народовластия, так как сама идея демократического правления была чужда воззрениям Навои и взглядам той эпохи вообще. Однако Навои прилагал много усилий для претворения в жизнь своего убеждения в том, что мудрый правитель должен заботиться о благосостоянии народа и его культуре. Назначение на высокую государственную должность он использовал для многих культурных назначений. По его указаниям было построено много красивых зданий общественного назначения – больницы, медресе, бани. На благоустройство города пошла значительная часть средств самого поэта.

Навои оказывал покровительство ученым, людям искусства, мастерам художественных ремесел. Его благородная щедрость распространялась и на простой люд: он помогал нуждающимся и даже несколько раз освобождал население от налогов, покрывая недостачу казны за свой счет “из средств своих, писал Навои, я брал себе на жизнь лишь то, что необходимо простому человеку, довольствовался халатом, который защищал меня в жару

и в холод, и непритязательной пищей. Остальное же я тратил на общение с народом, на питание слуг и домочадцев. А то, что оставалось сверх расходов на еду и на исполнение различных обязанностей, я представлял на благотворительные дела”.

Деятельность А.Навои встречала резкое противодействие реакционных кругов. Непосильная борьба с противниками подтачивала силы поэта. В конце семидесятых годов ему удается сложить с себя бремя государственной службы. К этому времени Навои был уже автором большого количества лирических стихотворений.

В 1483-1485 годах Навои в короткий срок создает пять поэм своей “Пятерицы”. Суровое осуждение деспотической власти в поэмах, несомненно, выросло из наблюдений Навои над жизнью гератского двора и злоупотреблениями придворных казнокрадов. В 1487 году Навои, навлекший на себя немилость Хусейна, был отправлен в Астрабад и поставлен там во главе местной власти. Это было замаскированной ссылкой, так как Астрабад по отношению к Герату являлся далекой провинцией. Поэт подчиняется решению правителя, но едет туда без особого желания:

*Жажду я благоустроить свой прославленный Герат,
Да разлуки рать мешает – высылают в Астрабад.*

И там Навои продолжает напряженно работать. Он заботится о благе народа и о благоустройстве вверенных ему земель. Одновременно он создает все новые и новые газели и объединяет их в большой “Диван” из четырех частей. В это время творческий гений Навои – автора множества лирических стихов и “Пятерицы” находится в зените своего расцвета.

Только в 1489 году Навои было разрешено вернуться в столицу. По приезду в Герат Навои вновь отдается литературным трудам: он создает поэму “Язык птиц”, трактат “Суждение о двух языках”, пишет свой последний труд – сочинение философско-назидательного характера “Отрада сердца” (1499-1500).

3. А.Навои и Х.Байкара.

Выше уже было много сказано о дружбе Навои и Байкары. Их судьбы были неразрывно связаны. Даже тогда, когда Хусейн Байкара ждал удобного момента для свержения Абу-Саида и захвата власти, он видел и чувствовал помощь своего школьного друга. Хотя многие родственники Навои (Мир-Саид, Мухаммед Али и др.) были убиты Абу-Саидом за оказание помощи Байкаре.

В то время, когда Навои жил в Самарканде, его школьный друг Хусейн Байкара собирал силы и неоднократно пытался установить свою власть в Хорасане. Наконец, в 1469 году ему удается достигнуть своей цели. Он создает относительно централизованное государство в Хорасане,

просуществовавшее свыше 40 лет. Это было время относительного покоя в стране (за исключением нескольких лет).

Этому событию предшествовало следующее.

Как мы уже не раз отмечали, в 1469 году Абу-Саид двинул свои войска в Азербайджан. Это был его последний поход. Войска Абу-Саида были разгромлены, а он сам попал в плен и был убит. Это событие, наряду с другими, облегчило приход к власти Хусейна Байкары.

Дело в том, что захват власти Абу-Саидом способствовал усилению феодально-клерикальной междоусобицы. Да и сам правитель в течение длительного времени предпринимал ряд военных походов. Большое количество непосредственных производителей материальных ценностей находились под ружьем.

Все это способствовало углублению кризиса феодальной системы, экономики, разрушению производительных сил в стране; изнутри подрывало позицию и той части господствующих социальных сил, которая восторжествовала, в частности, после прихода Абу-Саида к власти; нарастало недовольство народных масс господствующими силами, творящими в стране невиданный произвол, бесчинства, грабеж, разрушающими страну, разжигающими огонь междоусобиц, смут; развертывалось движение протеста этих масс; умножались ряды тех (как народных масс, так и отдельных господствующих групп), кто был заинтересован (конечно, каждая из этих сторон по-своему и в своих интересах) в установлении мира в стране, в устранении междоусобиц, в развитии производительных сил и культуры.

Все это было в известной мере использовано Хусейном Байкарой и создавало благоприятную почву для захвата власти им.

Как уже выше было отмечено, после восшествия на престол Х.Байкара пригласил к себе в Герат школьного друга Алишера Навои.

Перед тем как приступить к освящению отношений друг друзей, хотелось бы несколько слов сказать о правлении Х.Байкары.

Хусейн Байкара, будучи феодальным правителем, в течение нескольких лет после захвата власти активно выражал стремления, прежде всего той части феодалов, которая была заинтересована в развитии производительных сил, в политическом объединении страны, в пресечении разрушительных междоусобиц, в развитии культуры в тех рамках, в коих это требовалось для нее.

Спустя несколько лет после прихода к власти он все больше и больше теряет многие свои прежние качества (решительность в отношении к противникам из “высших” слоев, некоторую целеустремленность и т.д.), все больше предается разврату.

К концу своего царствования Хусейн Байкара доходит до полного морального разложения, что было обусловлено усилением (чему и он сам нередко способствовал) реакции, углублением кризиса феодальной системы,

который опять наступает после некоторого относительного подъема экономики в стране.

Но Алишер Навои, в отличие от Хусейна Байкары, был самым передовым человеком своего времени, гуманистом, пламенным патриотом, с сочувствием относился к своему народу, стремился облегчить его нищенское и бесправное положение; пытался благоустроить свою родину, чему и посвятил всю свою жизнь. Деспотизм и грубый эгоизм, направленный против интересов общества, интересов народа, Навои считал преступлением.

Очевидно, эта разница во взглядах должна была привести и привела к столкновениям между Навои и Хусейном Байкарой. Правящая верхушка всячески старалась использовать это различие между ними, стремилась углубить эти противоречия.

Строки Навои из книги “Смятение праведных” (1483 г.) рисуют портрет Хусейна Байкары и дают реалистическую картину придворной жизни, как самого шаха, так и его свиты:

*О ты, руку которого укрепила власть,
Ведь путь твой ведет к насилию.
Насилие твое над людьми не уменьшается,
Но ты творишь его и над самим собой,
Насилие над собой – разврат. О трезвый,
Если разум сопутствует тебе, откажись от него.
Когда ты отправляешься на пышный пир,
Думая насладиться весельем и удовольствиями,
В замок, где приготовлен пир,
Украшенный как вышний рай, помни:
Нити его завес сотканы из жизней народа,
Лалы и киноварь его – из крови народа,
Шатер его позолочен на народные деньги,
Расшит народными жемчугами и лалами.
Киртич для него принесли, разрушив мечеть,
Мрамор для него доставили из гробниц народа.*

Вот в этом замке, построенном на костях и крови народа, во время пира, во время пира, устроенного на награбленном добре, разыгрываются омерзительные сцены.

*Ничего там не услышит ухо, кроме ругани,
Рука ни к чему не тянется, кроме кубка...*

Вот до чего доходило дело уж в 1483 году!

Когда Навои в 1469 году прибыл в Герат и вместе с Хусейном Байкарой начал вершить государственные дела, Навои думал, что среди наличных и известных лиц наиболее подходящим человеком на должность шаха является Хусейн Байкара, который стремился создать и отстоять централизованное государство, которое способствовало бы оживлению экономики и культуры в стране.

В этот период, невзирая на все остальное, Навои действовал вместе с ним, всеми силами поддерживал его положительные начинания.

А когда усилилось морально-политическое разложение Байкары, Навои долгое время то старался перевоспитать его и направить по пути истины в своем понимании, то подвергал резкому осуждению и покидал Хусейна и его двор, то опять возвращался туда, в качестве официального или неофициального лица, принимая участие в разрешении актуальных вопросов управления страной с целью предотвращения окончательного падения и расчленения государства.

В свою очередь и Хусейн Байкара нуждался в Навои и не мог окончательно порвать (хотя бы формально) с ним. Это было обусловлено, например, тем, что Навои неоднократно на практике показал свой большой государственный талант. К тому же он был близок народу и пользовался большим уважением как выдающийся поэт и мыслитель. Авторитет Навои среди народа, любовь и уважение к нему со стороны людей различных профессий настолько значительно, что, как сообщает Бабур, “всякий, кто изобретал что-нибудь в своем деле, ради сбыта и успеха этой вещи называл ее Алишер”.

Как видно из вышеизложенного, взаимоотношения Хусейна Байкары и Навои носят очень сложный характер. Ни одного эпизода биографии Алишера Навои, его взаимоотношений с правителем нельзя будет хорошо понять без учета всего того, что сказано выше.

Навои много сделал для централизации государства, помогал в установлении отношений между отцом и сыном...

4. Общественная и литературная жизнь А.Навои.

Навои, как и крупные вельможи того времени, имел крупные земельные участки, часть которых досталась от отца, а часть была подарена ему Байкарой. Но не в пример другим, Навои расходовал свои богатства и доходы в основном на благоустройства своей родины и облегчение положения народа, на развитие культуры. Он сам говорит следующее:

“Я немного занялся возделыванием земли. Так как я в этом деле придерживался, как мог, справедливости, то, по милости божьей, мне достались богатство и прибыль. Из всего этого я брал себе на прожитие лишь то, что нужно простому человеку, довольствовался халатом, чтобы защититься от жары и от холода, и простой пищей. Прочее я частью расходовал ради общения с людьми, а также на прокорм нукеров и домочадцев. Другую часть, оставшуюся сверх расходов на еду и на выполнение необходимых обязанностей, я тратил на благотворительные дела...” (“Вакфия”).

Поэтом были построены учебные заведения, бани, больницы, библиотеки, мосты и т.д. Их число доходит до 370. Навои тратил немало

средств и на оросительные мероприятия. Например, он построил канал от Чешме-Гуль до Мешхеда длиной в 70 километров.

В некоторых медресе учащиеся и учителя ежегодно получали помощь в виде денег и продуктов питания.

Навои проделал большую работу по развитию культуры, науки, литературы и искусства – направлял деятельность ученых, поэтов, заботился о них и покровительствовал им. Он расходовал большие средства на поддержание и поощрение этих деятелей: то предоставлял им свою богатейшую библиотеку, то содержал их, то дарил им ценные подарки по случаю их творческой удачи.

Навои старался облегчить положение народа, находящегося в плену сплошной неграмотности и бескультурья. И с этой целью он вел упорную борьбу за узбекский язык, за его жизненные права: за то, чтобы и узбекский народ мог читать на своем языке произведения культуры. В результате, как пишет проф. Бертельс, он “доказал два крайне важных факта: что староузбекский язык является таким же совершенным средством выражения человеческой мысли, как и господствовавший до него персидский язык; что литература не умерла, что, поставив ее на служение массам, в нее можно вдохнуть жизнь, которая в XV в. от нее уже начала было отлетать. После Навои споры о том, имеет ли ценность художественное произведение на узбекском языке, уже быть не могло. Перелом произошел...”

Навои писал:

*От кого бежит народ, знай, тот худший из людей;
Знай, что в нем признак несчастья;
Знай, что он по существу своему – бедствие для жизни;
Знай, что он – худший из худших*

Подобных противников у Навои было немало как среди придворных, чиновников Байкары, так и вне двора, в стране. Навои разоблачал их и боролся с ними то с помощью пера, то с помощью меча, то некоторыми другими средствами.

Сложная и тяжелая жизнь Навои, его духовная драма были обусловлены эпохой феодализма, эпохой безраздельного господства феодально-патриархальных отношений и произвола в стране.

Кроме того, в мировоззрении и практической общественно-политической деятельности Навои, так или иначе, боролись два противоположных, взаимоисключающих начала. Навои был передовым человеком своей эпохи, патриотом и гуманистом; с большим искренним сочувствием относился он к своему и другим народам: “Я, говорит он, всегда был вместе с рабами, другом их; я никогда не переставал быть их рабом и прилагал все усилия к тому, чтобы служить им”. Он разоблачал произвол властей, старался устранить несправедливости, тяжело переживал, видя страдания народа. В последнем разделе произведения “Смятение праведных”, написанном Навои в конце жизни, читаем: “Оттого, что народ в

беде, у меня нет ни одной минуты радости. Оттого, что народ в горе и угнетении, я не имею ни одного мгновения покоя... Это, как пламя, все время жжет мое истерзанное сердце. Все мои старания, направленные на устранение этого горя народа, оказываются тщетными, и это причиняет сильную боль мне”.

Навои прошел долгий и мучительный путь поисков правды. “Я с этой целью, пишет он, прочитал все, что было доступно мне, активно действовал и боролся, но не удавалось добиться того, к чему стремился; то обращался к религии и шейху, то бывал в ханаке, мечети и выполнял предписания веры, духовного наставника, то изучал суфизм и находился в мире мистики, но не мог найти ответа на волновавшие меня вопросы”.

И это причиняло Навои немало мук.

С другой стороны, Навои, как сын своей эпохи, в некоторых вопросах, так или иначе, не смог выйти из рамок феодальной идеологии. Подвергая критике те или иные моменты социальной действительности, он оставлял нетронутыми определяющие и решающие основы этой действительности.

Конечно, требовать всего этого от человека XV века было бы неправильно, но для лучшего понимания вопроса не бесполезно будет напомнить об этом.

Гуманизм Навои в немалом носил утопический характер, а его (Навои) мировоззрение, особенно его взгляды на общество, на историю, строились на идеалистической основе, прежде всего в части решения основного вопроса философии.

Хотя Навои идейно был вместе с народом, заботился о нем, о стране, выражал передовые мысли и чаяния народа, он практически был оторван от народа, страшно далек от него. Навои идеалистически представлял себе роль личности и народа в истории, не понимал решающей роли народных масс. Улучшение жизни народа связывал с деятельностью передовых, просвещенных государственных деятелей, и сам, будучи визирем, пытался осуществить свои благородные замыслы. Убеждаясь в безуспешности попыток, не понимая подлинных причин крушения своих идей, Навои впадал в отчаяние.

Заблуждения, слабости, ограниченность Навои, обусловленные историческими социально-экономическими условиями того времени, независимо от желания Навои, так или иначе, по своим объективным последствиям служили делу сохранения того, против чего он как гуманист и патриот выступал в своих произведениях и практической деятельности.

Отсюда становятся понятными причины духовной драмы Навои.

Сохранился рисунок, на котором, по некоторым данным, Навои сам изобразил себя. На рисунке лев, закованный в цепи. Какой глубокий смысл в этом аллегорическом образе! Какой драматизм в жизни великого поэта и мыслителя!

Навои оставил большое духовное наследие, кроме лирики перу А.Навои принадлежат:

1. “Подарок размышлений” 1476 г.
2. “Сорок преданий (хадисов)” 1482 г.
3. “Вакфия” 1482 г.
4. “Смятение праведных” 1483 г.
5. “Фархад и Ширин” 1484 г.
6. “Лейли и Меджнун” 1484 г.
7. “Семь планет” 1485 г.
8. “Стена Искандера” 1485 г.
9. “Нанизывание драгоценных камней” 1485 г.
10. “История пророков и мудрецов” после 1485 г.
11. “История царей Ирана”.
12. “Житие СеидХасана Ардашера” после 1489 г.
13. “Собрание прекрасных” между 14911492 гг.
14. “Предисловие к диванам” между 1469 и 1482 гг.
15. “Диковины детства”. Первый сборник стихов.
16. “Редкости юности”. Второй сборник стихов.
17. “Чудеса среднего возраста”. Третий сборник стихов.
18. “Полезные советы старости”. Четвертый сборник стихов.
19. “Письма”.
20. “Пятерица смятенных” между 1492 и 1494 гг.
21. “Весы стихотворных размеров” после 1492 г.
22. “Житие Пахлавана Махмуда” после 1493 г.
23. “Веяние любви” 1496 г.
24. “Язык птиц” 1499 г.
25. “Суждение о двух языках” 1499 г.
26. “Возлюбленный сердец” 1500 г.
27. “Диван Фани”.
28. “Трактат о стрельбе”.
29. “Трактат о лотогрифах” 1491 г.

Произведения Алишера Навои посвящены различным темам, начиная от поэзии, философии, теории литературы и кончая искусством стрельбы. В них автор пытался охватить все основные вопросы, выдвинутые эпохой. Отвечает он на эти вопросы в художественной форме как великий, самый передовой поэт своего времени. Недаром выдающийся деятель таджикской литературы Абдурахман Джами говорил, что “никто больше, не писал стихов и не нанизывал их на нить жемчугов поэзии. Сюда относятся и его стихи на персидско-таджикском языке”!

Другой современник Навои поэт Захириддин Бабур сказал:

“Алишербек человек бесподобный. С тех пор, как на тюркском языке сочиняют стихи, никто другой не сочинял так много и так хорошо”.

Через тематически многообразные произведения Навои красной нитью

проходят передовые социально-политические и философские идеи.

Поэтическое, научное и общественно-философское наследие Алишера Навои определилось на базе того культурного богатства, которое было создано на Востоке до Навои на протяжении нескольких столетий, прежде всего в Центральной Азии, а также в Азербайджане, Иране, арабских странах, Греции, Индии.

Сам Навои писал:

“В области наук мною было изучено все то, что было создано древними мыслителями, начиная от Аристотеля и кончая ал-Фараби”.

Навои интересуется и восхищается Греческой культурой и наукой. Он испытывал их влияние. Об этом говорят его взгляды на роль чувств в процессе познания, учение о четырех естественных элементах (огонь, вода, воздух, земля), его неоднократные ссылки на древнегреческих ученых, философов. Хондамир в своей “Книге благородных качеств” говорит: “Благодаря тебе (Навои) путь машшаинов (перипатетиков) стал светлым, ясным”. (Здесь речь идет о перипатетизме, имевшем место не только в Греции, но и на Востоке). Навои подходил к древнегреческой культуре и науке с точки зрения своей эпохи.

Являясь не только писателем, но и лингвистом, историком и теоретиком, музыкантом, он был сведущ в некоторых вопросах и естественных наук, что сыграло большую роль в формировании его мировоззрения. Об этом свидетельствуют его произведения, об этом говорят и его современники. В той же книге Хондамира мы читаем:

“Слово твое (Навои) разрешает сложности науки; речь твоя развивает все, сказанное вкратце... Твоему чистому, сверкающему естеству досталось понимание науки естественной. В сердце твоем блистают знания божественные, они согнали с чела мрак пустых забав. Обратилась твоя мысль к математике, и стал разум садом, украшающим рай”.

Литературное, философское, научное наследие Алишера Навои явилось закономерным продолжением того, что было создано до него пытливым человеческим умом на Востоке, прежде всего и больше всего на его родине. Навои внес немалую долю в сокровищницу культуры народов Средней Азии. Величие Навои в том, что он старался ответить на запросы своей эпохи с передовых, прогрессивных позиций.

Именно гуманистические, патриотические мысли, передовые идеи Навои сделали его великим человеком своей эпохи.

Одной из характерных сторон гуманизма и патриотизма Навои, того нового, что внес он в литературу и философию народов Средней Азии, является его учение о любви в широком смысле этого слова.

Борьба с реакционными кругами, противодействующими передовыми начинаниями Навои, подточила здоровье поэта. В начале января 1501 года он скончался. В похоронах его приняли участие огромные толпы охваченного скорбью населения Герата.

Аннотация: В тексте данной лекции делается попытка освятить основные жизненные и творческие пути Алишера Навои. Рассказывается о роли и месте Навои в утверждении узбекского литературного языка, поиске им идеального правителя и тех социальных преобразований, проведенных Навои в Герате.

Вопросы и задания:

1. Перечислите поэтов, писавших на староузбекском языке.
2. Чьей поэмой увлекся Навои в детские годы?
3. Какое произведение написал Навои в честь восшествия Хусейна Байкары на престол?
4. Расскажите о городе Герате.
5. Напишите реферат на тему “А.Навои поэт, мыслитель и государственный деятель”.
6. Расскажите о последних годах жизни Навои.
7. Приход к власти Х.Байкары: дайте оценку.

Словарь:

Аттар – таджикско-персидский поэт и суфийский философ, автор поэмы “Речи птиц” (другой перевод этого названия “Логика птиц”).

Бейт – двустишие.

Дастан – жанр эпического повествования в стихах.

Дервиш – странствующий мусульманский монах отшельник.

Диван – 1. Рукописный сборник стихов; 2. Государственный совет, правительственная канцелярия.

Лирика – род литературы.

Ханаке специальное место, предназначенное для чтения намаза.

Газель – жанр Восточной лирики, состоящий из 3 и не более 19 бейтов. В основном газели бывают любовного содержания.

Суфизм – мистическое течение в исламе, в основе которого лежит пантеистическое представление о мире как проявлении высшей божественной сущности, “истины”; приверженцы суфизма стремились к единению с “высшим другом” с богом посредством растворения собственного “я” в боге. Многие философские представления суфизма нашли отражения в поэзии.

Литература:

1. А.Навои. Избранное. Т., 1982.
2. В. Жирмунский. А.Навои и проблема ренессанса. М., 1967.
3. Н. Конрад. Средневосточное возрождение и А.Навои. М., 1969.
4. Е. Бертельс. Навои и Джами. М., 1956.
5. В. Захидов. Мир идей и образов Алишера Навои. Т., 1961.

6. Е.Э.Бертельс. Навои. –М.Л., 1948.
7. З.Бабур. Бабурнамэ. Т., 19
8. Васифи. Удивительные события. Глава VI. Рассказ приводится в переводе А.Н.Болдырева; сб. “Алишер Навои”. М.Л., 1946.
9. В.В.Бартольд. Мир Али Шир. Ленинград, 1928.
10. Хондамир. Книга благородных качеств//Родоначальник узбекской литературы.
11. И.Султан. Книга признаний Навои. Жизнь и творчество великого поэта со слов его самого и современников. – Т., 1979.
12. Ф.Хамраев. Великий гуманист//Преподавание языка и литературы, 1991. №2.
13. В.Н.Владимирова. Алишер Навои//Преподавание языка и литературы, 2000. №6.
14. Ф.Хамраев. Жизнь и творчество Алишера Навои//Преподавание языка и литературы, 2002. №2.
15. Н.Маллаев. Гениальный поэт и мыслитель. – Т.: Фан, 1968.
16. А.Навои. Собрание сочинений в 10ти томах. – Т.: Фан, 1968.
17. Э.Рустамов. Страницы биографии Алишера Навои. Краткие сообщения ИНА., вып.63. – М.: ИВЛ., 1963.

Тема 2. ЛИРИКА АЛИШЕРА НАВОИ

План:

1. Лирические сборники А.Навои “Сокровищница мыслей” и “Девони Фани”.
2. Особенности газелей Навои.
3. Малые формы лирики Навои.
4. Учение Накшбанда в лирике А.Навои.
5. Художественная специфика малых форм (фард, туюг, рубаи, кытъя) лирики А.Навои.
6. Структурные признаки поэтической речи
7. Роль А.Навои в утверждении малых форм лирики в узбекской поэзии.

Опорные слова: лирика, газель, кытъя, рубаи, фард, туюг, мухаммасы, таржибанды, палиндром, рифмы, диван, мусаддас, бейт, художественные средства изобразительности, изафет, сравнение, фонетический повтор, композиция, тадридж, чистон, персоязычная поэзия, татаббу, редиф, диван.

- 1. Лирические сборники А.Навои “Сокровищница мыслей” и “Девони Фани”.**

Перу гениального узбекского поэта, мыслителя и государственного деятеля Алишера Навои принадлежит более тридцати художественных, научных и публицистических произведений. Как и многие другие поэты того времени, Алишер Навои писал свои произведения, как мы уже отмечали выше, на двух языках. Однако основные произведения выдающегося поэта были написаны на тюркском (староузбекском) языке, и это подняло узбекскую классическую литературу на небывалую высоту. Именно Алишер Навои стал основоположником не только узбекской литературы, но и современного узбекского литературного языка. Творческое наследие Алишера Навои это не совокупность отдельных ярких и талантливых произведений, а целостная художественная картина мира, жизнь великого Мастера. Безусловно, мысли и мировоззрение, отношение к жизни и обществу – это взгляды и представления не только самого Навои, но и людей той далекой эпохи, переданные через призму авторского восприятия. Именно поэтому анализ творчества великого узбекского поэта представляется чрезвычайно важным и интересным.

Основную часть литературного наследия Алишера Навои составляет его тонкая и изумительная лирика. Алишер Навои свое творчество начал с лирики и до самой смерти продолжал писать лирические газели. Этот поэтический жанр не оставлял поэт даже тогда, когда создавал свои дастаны и прозаические произведения.

Стихи Навои, вошедшие в его ранний диван, написаны до 1465 г. в основном в гг. Мешхеде и Герате.

Историческая обстановка, в которой жил и творил молодой Навои, не только определила формирование его мировоззрения и поэтического мастерства, но и в известной мере нашла свое отражение и в его ранней лирике. Здесь же уместно будет отметить и поэтические традиции мусульманского Востока, сыгравшие немаловажную роль в развитии ранней лирики поэта. Особенно сильное влияние на Алишера Навои, как мы уже отмечали выше, оказали выдающиеся предшественники и современники, в первую очередь Хосров Дехлеви, Хафиз Ширази и Абдурахман Джамии, и творивших на узбекском языке Атои, Саккаки и Лутфи. Последнего Навои ценил особенно высоко и считал своим учителем. Возможно поэтому многие стихи молодого Навои, отличающиеся легкостью стиля и своеобразной творческой манерой, сильно напоминают газели Лутфи.

По свидетельству известного историка XV века Хондамира, великий поэт Лутфи, прочитав газель молодого Навои, которая начиналась бейтом:

Если пери лик закроет, сколько слез в моих глазах,

Сколько звезд с закатом солнца выступает в небесах, -

произнес, что готов отдать все свои десять-двадцать тысяч стихов за одну эту газель.

Отношение Навои к литературной традиции в различных формах проявлялось в его ранних стихах. Так, к методу татаббу Навои обратился еще

в начальный период своего творчества и в основном пользовался им в своих персидских стихах. **Татаббу** это метод творческого состязания двух поэтов, один из которых под впечатлением произведения другого, сохраняя при этом некоторые поэтические особенности (рифму, реди́ф, ритм) и пользуясь ими, создает свое произведение, соперничающее с оригиналом, а иногда, как в случае с Навои, и превосходящее его. К примеру, в сборнике “Дивани Фани” 349 газелей написаны в форме татаббу на произведения известных персидско-таджикских поэтов: 23 газели – на газели Саади, 243 – на газели Хафиза, 36 – на газели Хосрова Дехлеви и 47 – на газели Абдурахмана Джами.

Наряду с татаббу, молодой Навои пользуется еще и другим методом: из стихотворений своих предшественников он берет рифму или реди́ф, образные выражения или структуру и на этой основе создает свое оригинальное стихотворение. Такой поэтический прием был чрезвычайно популярным на Востоке.

В формировании тематики ранней лирики Алишера Навои велика роль и лирической традиции восточной поэзии. Так, любовь была и во многом остается основной темой восточной поэзии. И не случайно сам жанр газели – наиболее распространенной стихотворной формы того времени – характеризуется именно тем, что в ней, как правило, выражаются страдания неразделенной любви героя, жалобы влюбленного на судьбу, на злой рок, воспевается неповторимая женская красота. В творчестве Алишера Навои таких произведений достаточно много, особенно в его первых сборниках:

Я красу твою увидел и плененным стал тобой,

В грустный день я стал влюбленным, огорченным стал тобой.

Дни идут, но нет отрады, нет надежды на тебя;

С каждым днем люблю сильнее, покоренным стал тобой.

Основой богатейшего лирического наследия Алишера Навои является его известная “Сокровищница мыслей”, состоящая из четырех диванов: “Чудеса детства”, “Редкость юности”, “Диковины среднего возраста” и “Полезные советы старости”. Общий объем сборника составил более сорока пяти тысяч строк. Сам Алишер Навои так охарактеризовал свой сборник: “Хотя время, за которое солнце, освещающее мир, делает один круг на небе, называется годом, год состоит из четырех времен, и каждый такой период имеет особое название. Подобно тому, как результатами вращения светила по небу являются и богатства недр и морей, и растительность, и животный мир, точно так же от всех этих результатов можно найти свидетельства и примеры. В противовес четырем временам года появились четыре дивана, каждый из которых получил соответствующее наименование.

Поэтому *первый диван*, который украшен дивными розами бутонов весны детства и замечательными цветами сада цветника молодости, был назван “Чудеса детства”. *Второй диван*, украшенный редкостными

событиями в степи и поле, юности и страсти, отрочества и влюбленности, был наречен “Редкости юности”. *Третий диван*, в котором описаны состояния изысканных удовольствий от бокала любви и страсти в кабачке среднего периода жизни, получил название “Диковины среднего возраста”. И *четвертый диван*, в котором зафиксированы такие муки и результаты любви и страсти, появляющиеся в конце жизни, как мучительные вздохи и последние издыхания, обрел наименование “Полезные советы старости”.

...Времена детства, лет с семи-восьми до двадцати, которые представляют собой раннюю весну жизни и бутоны цветника жизни и сам цветник, в похвалу им я растратил на “Чудеса детства”.

Пору юности, за которую можно считать возраст от двадцати до тридцати пяти, то есть пору лета, когда начинают бить животворящие родники юности, я описал в “Редкостях юности”.

И дни средних лет, с тридцати пяти до сорока пяти, пору осени, когда начинают опадать лепестки сада жизни, охарактеризовал я в “Диковинах среднего возраста”.

А если определить период от сорока пяти до примерно шестидесяти – это пора зимы, когда человек с согнутой спиной вступает на путь небытия и прощается с современниками, в молитве за него я довел до конца “Полезные советы старости”.

Все без исключения диваны Алишера Навои, как при жизни, так и после смерти, пользовались большой всенародной любовью. Их неоднократно переписывали лучшие каллиграфы того времени, и поэтическая слава Навои распространилась далеко за пределы Хорасана. Во многом, благодаря этому, сегодня многие крупнейшие библиотеки стран Европы, Азии и Америки имеют рукописи различных книг Алишера Навои, и в первую очередь его диваны.

Алишер Навои назвал свой знаменитый диван “Сокровищница мыслей”. Это совершенно справедливо, так как в традиционной лирической поэзии поэта нашли свое освещение многие серьезные философские, социально-политические и морально-этические проблемы.

Ведущей темой лирики Навои была любовь в самых различных проявлениях. В лирических стихотворениях, как и в других произведениях поэта, мы находим идеи большой, захватывающей человека любви, полной самоотречения и самопожертвования, любви идеальной, чистой. Это, прежде всего, любовь к женщине, но не только. Это и любовь к близким людям, любовь к Родине, к людям вообще, ибо человек – жемчужина жизни. Но на большую настоящую любовь способны лишь благородные, нравственно чистые люди. И только тогда любовь способна на великие дела:

*Пугал меня глупец: погибнет мир!
Мир будет воскрешен рукой любви.*

И призовет любовь людей на пир,

Где царь и нищий пьют настой любви.

*Под облаком ее они равны,
Омыты от грехов рекой любви.*

*И даже на ханжей нисходит свет –
Зачем? – им не понять такой любви.*

И все же, говоря о лирике Навои, надо говорить, прежде всего, о любовной лирике в ее вполне определенном, прямом значении. В лучших восточных традициях.

*Унижение тех, кто любит, удивлять нас не должно –
И драконы пресмыкаться так же учатся порой.*

*Ликом огненным сверкая, не сжигай нас – ведь свеча,
Сотни мотыльков сжигая, и фитиль сжигает свой.*

*Девы стройные трепещут, слыша вздохи Навои.
От дыханья ветра тополь стройной клонится главой.*

Главной герой лирики Алишера Навои – сам поэт – великий гуманист и философ своего времени. Вместе с тем он влюбленный и *ринд* (гуляка, остро слов и вольнодумец). Такой лирический герой поэзии Навои отражает во многом его чувства и чаяния:

*И в раю молиться буду лишь об улице твоей,
Потому что я из ада в рай войти скорей хочу.*

*Виночерпий, пьян всю жизнь я, но не ведаю стыда,
Поселить больную душу у твоих дверей хочу.*

*Для чего безногим туфли, безголовому тюрбан?
О ханжа, твои советы я забыть скорей хочу!*

*Розовые щеки милой манят сердце Навои –
И в саду увидеть розу я, как соловей хочу.*

Алишер Навои – певец любви и радостей жизни. Нередко в газелях поэта присутствует образ вина, символизирующий жизнелюбие и оптимистичность жизненных воззрений лирического героя. Навои противопоставляет ринда пессимистам, шейхам, аскетам. В этом отношении Алишер Навои следует традициям восточной поэзии, вслед за Омаром Хайямом, Хафизом и многими другими:

*Годами шейха речь текла, пресна, мутна,
Ни сердца, ни ума не тронула она.*

Но продавец вина мне душу взволновал:

Всего один глоток – и песня рождена!

2. Особенности газелей А.Навои.

Основным лирическим жанром у Навои является газель. В одной только “Сокровищнице мыслей” их около 2500. Газель – лирическое стихотворение, состоящее из 3–19 бейтов (двустуший). Каждый бейт слагается из четырех полустуший и в рукописных сборниках составляет одну строку, разбитую на две части. В современных книгах бейт принято разбивать на две строки. Все бейты одной газели связываются единой рифмой, а в первом бейте рифмуются и полустушия. В последнем бейте обязательно упоминается поэтический псевдоним автора – так называемый тахаллус. Иногда в составе рифмы имеется редиф – слово, повторяющееся в каждом бейте вслед за рифмой, например:

*Забывать решила ты меня навеки,
Презреньем за любовь, казня навеки.*

Литературная традиция того времени требовала, чтобы тематика газели в основном ограничивалась описанием любви, преимущественно неразделенной, которое сопровождалось жалобами на неверность и жестокость возлюбленной и на тяжелую долю влюбленного. Однако в газелях встречаются и другие мотивы. Так, например, у Навои есть газели, в которых содержится обличение представителей мусульманского духовенства – шейхов (таковы, например, газели “Он любить мне запрещает...” и “Пустословя на минбаре...”).

*Он любить мне запрещает, простодушный, кроткий шейх!
Э, какой там кроткий! Злыдень! Мерзкий пес в чесотке шейх!*

*Что в mine твоём соринки, если даже коврик свой
После омовенья стелет в луже посередине шейх!*

*Яркий свет ума и веры разве может излучать
В заблуждениях погрязший разум твой короткий, шейх?*

*В море лжи и лицемерья, духом алчности гоним,
Посохом-веслом махая, плавает, как в лодке, шейх.*

*Сеть обмана расстилает для доверчивых людей,
Сделав зернами приманки погремушки-четки, шейх.*

На людей похожим станет разве только в кабачке,

Если хмелем влаги бренной пополющет в глотке шейх!

*Если меж твоих собратьев я бы честного нашел,
Я рабом ему служил бы, радуясь находке, шейх!*

*Ты себя считаешь мужем, а наряд твой так цветист,
Что под стать лишь пестрой птице или глупой тетке, шейх.*

*Простодушна юность в дружбе, юных любит Навои,
Не беда, что дружбу тоже запрещает кроткий шейх!*
Многие газели Навои содержат смелые и красивые образы.
*У твоего жилья, озлясь, подняли вой собаки,
Зачем же воют, если я еще живой, собаки?*

*Не потому ль, что умер я в скитальческой доле,
Перекликаются, скуля, одна с другой собаки?*

*А может быть, им шеи трут ошейники с шипами,
И потому всю ночь визжат наперебой собаки?*

*Оплакивать ли смерть мою они сюда собрались,
Хотят ли голод утолить, наевшись мной, собаки?*

*Голодным нюхом, чуя плоть, сбегаются с урчаньем,
Они кружат вокруг меня, как жадный рой, собаки!*

*Зовешься львом – настигни лань в уединенном доле,
А падаль суеты мирской – добыча злой собаки!*

*Не странно, если к Навои соперники пристанут:
За бедным странником всегда бегут гурьбой собаки!*

Высокая поэтичность и свежесть образов в газелях Навои удивительна, если иметь в виду, что не только форма, но и образы газели строго регламентировались традицией. Этим и объясняется тот факт, что в газелях Навои имеются и образы, идущие от поэтической традиции: влюбленный соловей тоскует по красавице розе, нежный мотылек летит к свече, опаляющей его крылья. Так сжигает влюбленного пламя страстного чувства; сердце и душа любящего сравниваются с выжженной пустыней или степью и т.п.

*Не печалься, о сердце, я в степь отрешенья уйду,
Чтоб ни мне, ни тебе не изведать разлуки беду.*

На казнилище страсти палач приготовит свой меч –

Я к ногам палача, смерть ускорить моля, припаду!

*Кравчий в пиршестве бед мне фиал отрешенья подаст –
Как ни полон тот кубок, его осушу я в бреду!*

*От страданий разлуки исполнено сердце огнем,
Грудь мечом рассеку, а достану огонь, изведу!*

*Будет даже Мессия со мною в пути – отрекусь,
Я в степи отрешенья приемлю любую страду!*

*В ночь страданий кровь сердца темна, как кровавый закат,
Желт, как утро разлуки, я кровью к заре изойду!*

*Здесь – чертог отрешенья, и кравчий мне чашу излил,
Сердце, знай обо мне: я в беспамятстве, словно в чаду!*

Сила любовных переживаний обнаруживает себя в столах и вздохах, которые поэт сравнивает с огнем или дымом; сторевший от любви несчастный влюбленный рвет на себе ворот от отчаяния, плачет кровавыми слезами или пьет чашу кровавых слез, его терзают шипы разлуки. Традицией были определены и сравнения для различных свойств и частей человеческого тела: по белизне оно уподобляется серебру; красивый стан строен, как кипарис; часто противопоставляются белизна лица и чернота волос; лицо сравнивается с розой. Глаза любимой напоминают влюбленному нарциссы, иногда они ему представляются зеркалами или озерами, в которых отражена красота мира; брови красавицы выгнуты, как месяц или как лук, готовый метнуть в страдающего влюбленного тучи стрел-ресниц; ресницы сравниваются с кинжалами. Родинки на лице любимой – это в представлении влюбленного поэта зерна, раскиданные для приманки его сердца, уподобляемого птице. Рот, уста милой напоминают любящему рубины и пурпурное вино; красивыми считаются маленькие уста, и они сравниваются с точкой; иногда красный цвет губ связывается с багряными отблесками вина или цветом крови, пролитой из-за жестокости красавицы. Сердце – это птица, бьющаяся в силках кудрей возлюбленной, косы любимой – это цепи, которыми влюбленный прикован к ней, или жестокие бичи, истязавшие его.

Окружающий поэта мир рождает у него целую цепь поэтических представлений: небо кажется ему опрокинутой чашей; смятение чувств, сравнивается с сумятицей базара. Светлый мир наполнен отражениями: блески солнца сверкают в каплях воды или вина; образ любимой отражается в чаше вина, в глади вод, в чаше сердца; в очах любимой отражена ее душа и т.д. Обычные персонажи в газелях – различные птицы: влюбленный певец-соловей, лакомка-попугай, голубь, летящий на приманку – родинки

любимой: сова, стерегущая развалины, где скрывается отвергнутый возлюбленный и т.п.

В газелях часто встречаются образы, почерпнутые из народного творчества, из легенд и преданий. Здесь мы видим каменотеса Фархада, пробивающегося сквозь толщу гор к красавице Ширин, безумного Меджнуна, мечущегося в пустыне и погибающего от любви к Лейли. Отдельные строчки газелей посвящены мифическому царю Джемшиду – обладателю волшебной чаши, отражающей весь мир, Искандеру (Александр Македонского) и его “зерцалу”, пророку Хызру, наделенному бессмертием, Ною, Сулейману, Юсуфу и Зулейхе и т.д.

Значительное место в газелях занимают образы, связанные с темой вина и веселья. Разумеется, это не реалистическое изображение настоящего винопития, а дань традиции, совокупность условных образов, привычных для любителей поэзии того времени.

*Мне любовь родником не пробилась во взор,
Каф всей грудой меня задавил и припер.*

*А задавленный Кафом безжизненный прах
Всей вселенной не вырвать из мук на простор!*

*Попран сотнями гор, я пощады не знал,
И в мирском цветнике я бессилен и хвор.*

*Что душе моей мечь и наветы врагов,
От друзей я не знал ничего, кроме ссор.*

*Ну, а та, что мой мир, и услада, и жизнь,
От кого мне еще был такой же позор?*

*Вся жестокость, вся злость у нее – для меня,
Вечной жизни нектар – для соперничьих свор!*

*Виночерпий, тебя с молю: “Дай вина!”
Хоть на миг бы сто мук ты в душе моей стер!*

*Все друзья разбрелись, я – невольник скорбей,
Лает пес – караван удаляется, скор.*

*Молод был Навои – ничего не сумел,
А состарился, все твои бедствия – вздор!*

Как тонкий лирик и талантливый художник слова, Алишер Навои стремился к органичному единству формы и содержания, создавал художественные формы, соответствующие содержанию его лирических

стихов. Он писал в самых различных жанрах восточной поэзии. Мастерски выражая сложные чувства человека, его духовные переживания, он применял многочисленные художественные приемы и изобразительные средства, творчески использовал богатства устной народной поэзии.

Основной диван поэта включает в себя стихи, написанные в 16 жанрах. Ведущим был, естественно, жанр газели. Стихотворения, написанные Навои в жанре *мухаммас*, *тарджибанд*, *мусаддас*, *рубай*, *кыъта* и некоторых других по своим идейно-художественным особенностям близки к газелям. Вот отрывок из одного мухаммаса поэта:

*Где тополь мой? О, горе мне! Я с нежным станом разлучен.
С моим смеющимся цветком, с моим тюльпаном разлучен.*

*Нет песен! С гурией моей я злым обманом разлучен.
Поет ли соловей, когда он с гулистаном разлучен?*

И молкнет попугай, с родным шекерестаном разлучен?

Газели Алишера Навои, как и произведения в других жанрах и родах литературы представляют собой большой научный интерес, читатели с большим упоением читают их.

3. Малые формы лирики А.Навои.

Наследие Алишера Навои – не просто совокупность отдельных произведений, а некое единство, целостная художественная структура, за которой стоит личность автора. Творческое мировосприятие поэта сложно. Оно складывается из взглядов представителей, людей его эпохи, из осмысления им собственного жизненного опыта, своей судьбы и близких ему людей.

Истоки мировосприятия поэта следует искать в идеологических воззрениях современного ему общества.

Господствующим идеологическим течением средневекового Востока был суфизм (мистическое течение в исламе, оформилось в 1012 в.). Это учение о постепенном приближении через мистическую любовь к познанию бога и слиянию с ним. Оказал большое влияние на арабскую и персидскую поэзию (Санаи, Аттар, Руми).

В факте возникновения суфизма видят отражение недовольства масс жизненным укладом, протест социальных низов против господствующего класса. Объективное, подлинно научное понимание взглядов А.Навои можно достигнуть при изучении их на фоне системы представлений той эпохи. И таким фоном для творчества поэта является каждая из малых форм лирики – это особый художественный мир с присущим ему своеобразием.

Возникновение малых форм лирики относится к истокам классической персоязычной поэзии. Анализируя поэзию Бухары X в., Е.Э.Бертельс

отмечает “появление наряду с касыдой, поэзии несколько иного типа. Это небольшие фрагменты в форме кытъя философско-пессимистического характера, жанр, который получил у арабских теоретиков наименование *hikmat*”. Характеризуя касыду как “классическое проявление идеологии феодализма”, Бертельс далее пишет: “Наличие жанра *hikmat* обусловлено все той же феодальной идеологией. Это отталкивание от нее, попытка какой-то критики (но, конечно, эта критика не может идти вглубь, ибо феодальное миросозерцание ещё не разрушено и сохраняет всю его незыблемость) кажется поэту освященным теоретическими традициями”

Ещё более глубокие корни имеет жанр рубаи. Большинство исследователей сходятся на том, что эта традиционная фольклорная форма, которая пользовалась большой популярностью у поэтов.

Фард до эпохи А.Навои не осознается поэтами как самостоятельный жанр и не выделяется в диванах в специальном разделе.

В диванах фарды присутствовали в тех случаях, когда у переписчика оставалось на листе небольшое пространство, которое нужно было заполнить из эстетических соображений. Откуда переписчики брали фарды, нам неизвестно. Вероятно, что они выбирали их на свой вкус из поэтических произведений других жанров.

Кытъя и рубаи, в которых используются различные средства внутренней организации стиха, по-разному воздействующие на эстетическое чувство читателя, тем не менее, близки друг другу в плане содержания и задач, возлагаемых на них автором. Как и в кытъя, “в рубаи поэт чувствовал большую свободу творчества, чтобы изобразить разнообразные темы и мотивы. Темой рубаи могло быть многое, начиная с философских рассуждений по сложнейшим вопросам природы и общества, и кончая мельчайшими эпизодами из личной жизни самого поэта”. Основная часть в кытъя и рубаи состоит в том, чтобы с помощью изобразительных средств и логических доказательств утверждать или отрицать какую-то мысль, довести до сознания людей тот или иной важный вопрос, отразить то или иное событие и выразить свое отношение к нему.

Особая заслуга Навои состоит в том, что он, полностью использовав все формы, существовавшие до него в персидско-таджикской и узбекской лирике, своим творчеством подводит итог их развитию в эту эпоху, обогащает их новыми свойствами, всесторонне развивает.

Основная функция включенных Навои в диваны, многочисленных кытъя, рубаи и фардов – иллюстративная, но они имеют и самостоятельную художественную ценность, представляя собой оригинальные образцы малых жанров.

Малые формы лирики Алишера Навои посвящены тем же темам, что и газели, поэмы, проза, но здесь, в соответствии со спецификой этих форм, они развиты более чётко и лаконично. В них раскрывается дарование великого

поэта, его могучий интеллект, тонкая интуиция, глубокие общественные интересы.

Характерно, что в творчестве А.Навои рассуждения о высшей истине никогда не являются самоцелью. Неотъемлемые свойства божества всегда упоминаются А.Навои с целью обоснования своих этических рекомендаций. Говоря о единственности бога, он выводит тезис о необходимости сохранения личной независимости человека.

*Каждый, кто в полном трудностей мире
Отдалится ото всех, будет жить уединенно,
Хотя и не сравнится с всевышним, участь
Которого – одиночество, этого довольно.*

Разоблачение лицемерия и невежества духовенства отражает основное положение о необходимости замены формальных религиозных обрядов идеей непосредственного общения человека с богом через любовь, т.е. религией сердца без посредничества духовенства. Высмеивания недалеких, жадных, невежественных шейхов и имамов, осуждая ложь и лицемерие служителей культа, Навои подрывал устои реакционной части духовенства:

*Годами, внимая речам шейха,
Не получал ни удовольствия сердцу, ни волнения душе,
Принес мелодию в душу и волнение в сердце
Одним глотком продавец вина – мугбача.*

Рассуждая о свободе воли человека, считает судьбу каждого закономерным проявлением его внутренней сущности:

*Ни отшельник, ни влюбленный не вольны в своем выборе,
Каждый из них делает то, что предначертано от роду.*

Тем не менее, он понимает, что поведение человека в жизни во многом диктуется условиями, в которых он оказывается:

*Нынешнее поколение не похоже на своих предков,
Каждое их свойство продиктовано временем,
Подчиняются тем, кому от эпохи исполнений желаний
Враждуют те, кому притеснение от эпохи.*

4. Учение Накшбанда в лирике А.Навои.

Чтобы чувствовать себя счастливым, человек должен понять свое предназначение и подчиниться ему. Все в мире предопределено и не может быть изменено волей человека. Но осознаваемый как необходимость труд служит на благо человека и общества:

*Тот, кто рад милосердию бога,
Делает радостным и себя, и людей своим трудом.
Кто не благодарен за малое из-за жадности,
Постоянно печалит и себя и других.*

Связанный со средой, из которой он вышел, оставаясь верным ей, оставаясь в то же самое время самим собой, сохраняя верность своим привязанностям, Навои усматривает наиболее созвучные его душе идеи и установки в суфийском учении Накшбанда, с которым его познакомил Джами. Навои вступает в накшбандийский орден и во всей своей практической деятельности руководствуется советами Джами и ордена:

Не ищи у заносчивых нужных обычаев,

Это не найдешь ни у кого, кроме нуждающихся.

Не требуй многого от отшельников, “без накша” (аккомпанемент)

Не ищи этот аккомпанемент ни у кого кроме накшбандов.

О том, как понимал Навои сущность этого учения, какой смысл вкладывал он в проповедуемые суфизмом добродетели, можно судить по его стихам. Одно из его кытъя посвящено изложению основных принципов накшбандийского учения. Джами называет четыре основных принципа этого учения: хилват дар анжуман (уединение в обществе), назар дар кадам (внимание ко всему), сафар дар ватан (путешествие по родине), хуш дар дам (наслаждение каждым мигом). В изложении Навои каждое из этих положений, по сравнению с Джами, более конкретизировано, соотнесено с реальной действительностью и может быть принято как обобщенная рекомендация наиболее рационального поведения человека, но не исключает и более широкого толкования. Требование уединения в обществе может быть понято, как необходимость для человека сохранить в неприкосновенности свой внутренний мир. Ограждая его от посягательств чуждых влияний, не отказываясь от общения с другими людьми, от исполнения обязанностей, налагаемых на человека обществом. Именно так поступает Навои в своей практической деятельности, так же понимает это требование Джами, который настаивал на том, чтобы Навои оставался на государственной службе, ибо, хотя жизнь во дворце была в тягость для поэта, деятельность его благотворно сказывалась на политике государства, на положении народа.

В положении о странствии по родине Навои делает акцент на то, что человек может продолжать неустанно познавать мир, оставаясь на одном месте, когда ему не под силу далекие путешествия, ибо важно, чтоб человек оставался внутренне активным, небезучастным к окружающему миру. Принцип “назар дар кадам” (внимание ко всему) не проходить мимо каких бы то ни было проявлений жизни, ибо ничто в жизни не суета, ничто не бессмысленно, нужно интересоваться всем, что встречается на жизненном пути. Четвертый принцип изложен так:

Радуйся каждому своему дыханию,

Чтобы каждый миг не оборачивалась к тебе беда.

Предваряя изложение основ учения Накшбанда, Навои обращает внимание читателя на то главное, что казалось ему необходимым условием для успешного восприятия этих принципов – благожелательное приятие человеком мира, в котором он живет. Именно этот смысл он вкладывает в

слово “каноат” воздержанность, довольство малым. Но у Навои это слово обретает всю полноту значений и даже “согласие”, т.е. чувство слияния с миром, доверие к его возможностям, умение оценить по достоинству и не пренебречь тем, что он дает человеку.

Характеризуя мировоззрение Алишера Навои, Е.Э.Бертельс писал: “Навои мечтал о достижении конечной цели суфия, стремился к тому умиротворению, которое ему обещала “фана” прекращение индивидуального бытия”. Для Навои прекращение индивидуального бытия означает отказ от эгоистических устремлений, осознание себя частицей человечества. Осознание недолговечности человеческой жизни не мешает её значимости, поэтому бессмысленно стремление к самоуничтожению, к смерти:

*Коль живой, в конце концов, умрет,
Достаточно много смертельной печали.
Так зачем же волноваться о помощи смерти,
Коль каждый рожденный не может не умереть,
Стоит ли спешить с делом, которого не избежать.*

Стремление к “фано” органично сочетается у Навои с жизнелюбием, так как сознание недолговечности жизни напоминает о том, как ценен этот дар для человека:

*Я тебя люблю больше души, драгоценная жизнь,
Я неизмеримо сильно люблю тебя, драгоценная жизнь,
Я люблю тебя больше, чем всё, что можно любить,
Что уже нельзя любить сильнее, драгоценная жизнь.*

Для того, кто постиг высший смысл жизни, невозможно стремление только к личному благополучию, никакие материальные блага не способны свратить его с этого пути:

*Если увидишь свободного праведника в достатке,
Не упрекай тем, что богатство препятствует праведности,
Не бойся, что мачта корабля завязла в товарах;
Посмотри, разве столько товаров мешает ему двигаться.*

Навои говорит, что, только постигнув преходящую суть индивидуального бытия, человек может осознать почувствовать вечность:

*Пока ты не будешь жить спокойно в незаметном месте,
Ты не удостоишься скрытых тайн,
Ты не приблизишься к вечной жизни,
Пока твое существование не будет “фана”*

Высший смысл человеческого существования – в реализации лучших свойств, дарованных человеку природой. А для этого необходима свобода самопроявления. Чувством собственного достоинства обладает тот, кто готов отказаться от материальных благ во имя своих принципов, своей совести:

*Для тех, кто понял преходящую суть мира,
Крайняя бедность лучше, чем быть падишахом в мире.*

*Посмотри, что делает падишах с людьми мира
Что это по сравнению с бедностью оставивших мир!*

Для Навои критерием истинной человечности служат нравственные качества, а не наследуемые признаки “благородства”, связанные с социальным положением человека. Одним из принципов, утверждающих человеческое достоинство, Навои считает “таваккул” упование на бога (в переводе с арабского это слово означает “принятие с доверием”). Это не призыв к смирению с судьбой, не оправдание бездеятельности. Это проповедь оптимизма и благородного риска при соблюдении человеком внутренней последовательности в своих убеждениях, верности своей натуре. По мысли Навои, таваккул помогает человеку отказаться от соблазна, легкого обогащения, надеяться на свои силы, сохранить независимость. Он осуждает людей, проявляющих рабскую покорность из-за миски еды:

*Тот, кто помнит об уповании
И впадает в страсть раболепия перед шахом,
Его уделом будет миска плова, не больше,
Если претендует он на богатство Каруна.
Тот, кто ради миски плова будет рабом,
Достоин, чтобы лицо его вымазали сажеей котла.*

Суфизм, опирающийся на интуитивное познание бога, который понимался как высшая истина, давал простор творческому воображению поэту. А.Навои находит естественные аналогии тем суфийским добродетелям, которые считались необходимыми для постижения истины. Так, тайне щедрости он советует учиться у реки и солнца, природу которых считает совершенной и благородной:

Причину потери авторитета он видит в алчности, в желании воспользоваться тем, что не принадлежит по праву – так луна, светя отраженным светом солнца, не может сравниться с ним по достоинству. В постижении противоречивой гармонии мира он находит объяснение закономерным сложностям человеческих отношений.

По Навои любовь имеет три вида проявлений. 1. Самое обычное, простое проявление ее – любовь, обусловленная физическим влечением. 2. Поэтическая одухотворенность, увлечение прекрасным – реализуется в служении искусству. Высшим пределом индивидуальной любви является брак, низшим – разгул. Вторую ступень Навои определяет как “любовь возвышенных людей: смотреть чистыми глазами на чистое лицо, чистым сердцем пламенеть к чистым лицам и влюбленному в чистое воплощение пользоваться чистой красотой истинного предмета любви. “ Чистые влюбленные – певцы поэзии и творцы легенд”. В числе людей, способных на это возвышенное чувство, Навои называет выдающихся поэтов, в частности Хафиза, который, смело, совмещая индивидуальную любовь и возвышенный поэтический дар, умел черпать поэзию из простых земных радостей. Смысл второй степени Навои видел в том, чтобы в речах и стихах выразить чувство

любви, передать слабость и страдание, муки гордости и покорности человека, охваченного пламенем страсти. Он говорит: “Речь, которая не горит от примеси поэзии, поэзия, которая не пылает от огня любви, свеча без пламени и общение без радости. Суть ее – мелодия слов, всё другое – химера, слова – жар любви, а хмель жизни в сердце – сама любовь”.

Процесс абстрактного постижения мира одновременно во всем многообразии его проявлений требовал от человека напряжения всех способностей его натуры, наибольшей сосредоточенности, страстности, прозорливости. Человек должен воспринимать мир всем своим существом, через себя, приобщаясь к всеобщему миропорядку, частицей которого является сам, который окружает и созидает его самого.

Вот это чувство приобщения к таинству всего сущего и составляет для Навои третью, высшую ступень любви.

*Если влюбленный видит в красоте любви только божественную силу
И чист в своих любовных помыслах,
О отшельник, не препятствуй ему в этой любви,
Если вдумаясь, настоящая истинная эта земная любовь.*

Трактовка Навои понятия любви тесно связана с его отношением к вопросам познания. Известны его живой интерес к светским наукам, к людям науки. Поэт осознавал недостаточность научных знаний его эпохи, его волновал мучительный вопрос о том, что представляет собой человек.

Исследователь А.Арипов писал: “В гносеологии Навои исходит из признания двух сфер познания: сферы материального мира и сферы божественного, или сокровенного мира. В первой области он выступает как ученый, мыслитель, как человек, связанный с реальной действительностью, а во второй – как мистик-интуитивист, отрицающий эффективность рационального познания”.

Рассуждения Навои о различии между знанием и незнанием диалектично. Поэтому, не терпя зазнайство и обман, он считает более честным признание в собственном невежестве.

Навои чувствовал, что наиболее убедительное представление о мире в его время может дать только интуиция, и он отдал ей предпочтение. Навои возлагал большие надежды на облагораживающее воздействие поэзии. И поэтому тема поэтического творчества является одной из определяющих в малых формах лирики Навои. Главной целью поэзии он считает внесение гармонии в духовный мир человека, освобождение сердца от страдания и тоски:

*Стихи должны освободить сердце от страдания и печали,
Читают ли их люди плохого поведения или прекрасные видом.
Когда сердце освободится от печали, достигнет цели автор,
Эта претензия, когда осуществляется у возвышенных духом,
И тот, кто претендует, если рассчитывает на образованность,
Если не будет уважаем невеждами, спаси его бог.*

Поэт считает своей целью быть понятным читателям, к этому стремится. Необходимо уважать стремление поэта приобщить читателей к высокой сфере духовного мира, даже если не все покажется убедительным.

Подтекстом стихов Навои является определенный философский смысл. При всей скромности свое творчество поэт ценит очень высоко. Когда Навои сравнивает достоинство своих стихов с семью небесными сферами, он имеет в виду не только их поэтическое совершенство, но и глубину заключенной в них мысли.

В стихах Навои могут быть девять бейтов, одиннадцать, тринадцать. Такими скрытыми жемчугами калам украшает лист. В них обязательно не менее семи бейтов, чтобы не могли опустить их ниже семи небес. Многие строки поэта продиктованы конкретными событиями, фактами его жизни, в стихах остается лишь настроение, размышление автора по поводу этих событий, ибо такова сама природа поэтического творчества. Если мы говорим, что в творчестве поэта отразилась вся его жизнь, мы имеем в виду жизнь его души, историю становления его мировоззрения и таланта, а не внешние события его жизни. Сплав житейской мудрости, меткости образов и прелести поэтического языка и создают неповторимое своеобразие этого великого поэта. А.Навои осознавал силу и ценность поэтического слова. Вот как он говорит об этом в “Махбуб ал-кулуб”: “В слове всякое добро, какое возможно, потому и говорят, что в дыхании есть душа. И то, что Иисус возвращает душу в мертвого, тоже отсюда”.

К своим стихам Навои относился с пристрастием и любовью, как к собственным детям, он любит их ими:

*Мысли, странствующие в моей поэзии,
Похожи на толпу странников.
В каждом бейте столько мыслей,
Что это не бейт, а странноприимный двор.*

Навои выдвигает требование объективности в оценке стихов того или иного поэта. Он смеется над теми, кто плачет от восторга над своими стихами, и одобряет тех, кто умеет заметить мастерство другого поэта и показать его.

В кытѣ Навои мы находим восторженное признание им своих великих предшественников, которым он следовал в своем творчестве. Определяя отношение к любимым поэтам Хосрову Дехлеви, Хафизу и Джами, Навои пишет:

*Если помотришь на поэзию Навои,
Нет ни одного бейта, свободного от этих троих.
Она всегда зеркало, которое отражает
Красоту трех луноликих.*

Страстный интерес к литературе определяет отношение Навои к труду переписчиков, каллиграфов, от мастерства и грамотности которых зависела судьба каждого произведения. Он посвящает кытѣ знаменитому каллиграфу

Султану Али, искусство которого придает большую эстетическую ценность поэтическим строкам, сообщая стихам достоинства орнаментального искусства:

Предводитель писцов, которого называют Султан Али.

Его перо, как резец бога, не делает ошибок.

Какие из моих стихов он переписал, в них появились достоинства стиха.

Люди кладут в папку переписанный отрывок.

Столь же большое значение придавал Навои мастерству декламации, публичного чтения стихов, необходимости культуры чтения для певца:

Что это за певец, когда слова стиха

Нельзя разобрать из-за плохого произношения их.

Один сказал: “Я запомнил этот стих, но не понял”,

Я ответил: “Это был мой стих, я сам тоже не понял”.

В эпоху мрачной реакции средневековья Навои размышлял о предназначении человека, видел его миссию самой высокой на земле и стремился всей своей жизнью и деятельностью способствовать совершенствованию человеческого общества. Возможность осуществления этого он видел в сосредоточении власти в руках справедливого шаха. Он мечтал о том, чтобы у власти стояли люди образованные и мудрые, ибо только разум, знания могут подсказать правителю верные и справедливые решения. Воспитание лучших качеств в правителе, считал Навои, должно начинаться с детства, рядом с ним должны быть достойные наставники. Он также придавал большое значение влиянию родителей на детей. Не каждый человек достоин власти, и не каждому она по плечу. Если недостойный человек возьмет на себя тяжелое бремя, он причинит несчастья не только другим, но и себе:

Надеть на голову презренного венец счастья

Ясно, будет причиной его страданий.

Колпак сокола не годится для маленькой птички,

Ибо будет причиной ее мучения и волнения.

Навои постоянно напоминает, что власть преходяща, что высшее назначение правителя – заботиться о благе народа, душу человека он называет истинным жемчугом. Шаху необходимо стремиться к совершенству, быть справедливым, скромным, добрым и щедрым:

Скромность – хорошо, но еще лучше,

Если возьмут ее в обычай облеченные властью.

И доброта приятна, но еще приятнее,

Если появится у людей, обретших силу,

И щедрость – чудесная вещь, то тем чудеснее,

Если она не требует благодарности.

Мудрец совершенным человеком называет того,

У кого в натуре совмещены эти несколько качеств.

Образ идеального правителя мыслится Навои в сравнении с самыми величественными явлениями природы – солнцем, морем. Как самый страшный порок клеймит Навои алчность. С жадностью и гнетом следствиями этого порока нужно бороться.

Навои видит невозможность справедливого распределения жизненных благ, т.к. осознает несовершенство человеческой природы. Но он понимает необходимость утверждения в человеке возвышающих его начал и верит в моральное воздействие стиха.

Этические установки Навои основываются на аналогиях человеческих качеств естественным закономерностям жизни, на убедительных, красноречивых образах, зрительных и словесных. Говоря о том, что жадность – одно из самых низменных свойств человека, он использует для характеристики этого качества отрицательно-экспрессивную окраску слова “каро” черный, и развращающее влияние денег на душу человека находит у него аналогию, в т.ч. деньги пачкают руки людей:

*Не тяни руки к большим количествам золота – серебра,
Если дотронешься, испачкаешь руки.
Не храни в сердце склонности к ним.
Ибо и сердце станет такого же цвета.*

Стремление к внешнему блеску, к богатству осуждается Навои как признак неглубоких интересов человека, свидетельство низменности его натуры. Осуждая алчность как одно из самых страшных зол, Навои противопоставляет этому пороку идеалы воздержанности, довольства малым, щедрости. Очевидно, что проповедь эта обращена к привилегированной верхушке общества, порочное пристрастие которой к пирам разорвало и грабило страну.

Поистине возвышающим человека качеством, говорит он, является щедрость. Она является свидетельством благородства человека, его истинной ценности. Ясно, что для Навои мерой человеческого достоинства является не положение его в обществе, а его душевные качества. Правдивость и благородство возвышают человека, к тому же человек должен быть бескорыстен в своих поступках и тверд в обещаниях. Честность и справедливость придают ему силу.

Через творчество Навои приходит романтическая мечта о верном друге, который разделит бы с ним горе и радость, смягчил бы жизненные испытания:

*Если есть достойный друг, о сердце, не страшно,
Хотя душа каждого страдает от этого времени,
Если он разделит с тобой страдание и печаль,
Ты не будешь так страдать и мучиться от жестокости мира.*

Возвышенное, благородное представление о дружбе, служение человеку, который назвал другом, свойственны Навои. Тоска по верному и достойному другу и разочарование в тех людях, которые окружали его,

продиктовали Навои полные горькой иронии строки о том, что единственным является соблюдение верности самому себе:

*Кому я был верен, тот воздал мне жестокостью,
Среди людей мира не существует верности,
Я хотел увидеть верных людей, но не нашел*

Одно из важнейших положений этики Навои требование быть сдержанным в речах, ибо неосторожно сказанное слово может навлечь неприятности. Он говорит также о том, что не следует доверять приятным речам, ибо за ними может таиться зло. Навои говорит о необходимости внимать советам умудренных жизнью людей:

*Внимательно слушай полезные слова и думай,
Ибо без жемчуга чего стоят пустые раковины!
Слова же свои храни в сердце, будет жаль,
Если такой ларец сделаешь пустым от жемчуга.*

В малых формах лирики Навои можно проследить его отношение к женщине. Известно, что мусульманская религия не признает женщину достойной уважения, не считая нескольких “совершенных особ” Азии, Марьям, матери Иисуса, а также жены и дочери Мухаммеда Хадиджи и Фатимы. Навои считал, что женщина может быть достойнее иного мужчины. Чистота и благочестие женщины украшают мир, как солнце, без женщины – хозяйки не может быть уюта в доме. Навои говорит, что жена должна быть другом мужа, отводит ведущую роль матери в воспитании детей. Он считает, что истинная ценность человека – в его духовном совершенстве, следует уделять равное внимание к словам мужчины и женщины:

*Если хочешь понять смысл сказанного,
Говорит ли женщина или мужчина,
Смотри на слова, а не на положение говорящего,
Смотри, что он говорит, не смотри, кто говорит.*

Уважительное отношение к человеческому достоинству женщины особенно ясно проявляется в его любовной лирике, в том, что он выступает сторонником соблюдения верности возлюбленной, единственной. Поэт говорит о взаимной преданности влюбленных в условиях, когда ислам официально разрешал многоженство, попирая права и человеческое достоинство женщины.

Известно, что на этой же позиции стоял и Джами. И Навои и Джами воспевали любовь. Это любовь и к богу, и к человеку. Они считают земную любовь первым этапом приобщения человека к его истинной сущности. Они воспевают искреннюю, бескорыстную, самоотверженную любовь, утверждая высокие моральные принципы.

4. Художественная специфика малых форм (фард, туюг, рубаи) лирики Навои.

Как большой мастер художественного слова, Алишер Навои позитивно воспринял и творчески переработал лучшее, что было в восточной поэзии. Относится это ко многим жанрам богатейшего творческого наследия поэта, в том числе и к произведениям в так называемых малых формах восточной поэзии. Поэт создал их, как было отмечено выше, как на таджикском, так и на узбекском языках. Наглядным примером могут служить фарды, туюги, которые включены Навои в “Сокровищницу мыслей” и “Девони Фани”.

Так, наиболее ярким и своеобразным, на наш взгляд, малым жанром восточной поэзии, который встречается в поэтических сборниках Алишера Навои, является фард. В “Сокровищнице мыслей” фардов восемьдесят шесть, при этом только пять из них не имеют парной рифмы.

Фарды представляют самый малый по объему лирический жанр. Это отдельные бейты, самостоятельное существование которых обеспечено афористической завершенностью высказывания. Чаще всего полустишия имеют парную рифму, но это не обязательно. При отсутствии рифмы фард как бы воспроизводит форму бейта газели. Среди 86 фардов в “Хазойну-л-маоний” таких только 5. Отсутствие рифмовки в них компенсируется особой прочностью синтаксической и семантической связи между мисра (бейтами). Фард может представлять собой единое предложение, т.е. мисра в нем грамматически несамостоятельны – это редкое явление и наблюдается в фардах без рифмы:

*От тоски по твоим глазам и губам,
Я был долго болен и еле-еле выжил.*

Обособление фарда как особого жанра возникло на основе относительной независимости бейтов внутри произведения и потому не потребовало изменений в их структуре. Каждый бейт в любом из жанров выражает законченную мысль. При этом тенденцию к отторжению от контекста имела бейты, отличающиеся наибольшим лаконизмом и выразительностью. Именно эти качества предусматриваются и при создании фарда. В структуре фардов отразились самые продуктивные принципы организации бейта, выработанные в классической поэзии.

Академик Брагинский, анализируя архитектуру (художественное выражение закономерности построения) бейтов Рудаки, во многом предопределяет анализ структуры фардов А.Навои: “Почти всем бейтам свойственна четкая композиционная членимость на два относительно самостоятельных мисра, находящихся, однако, свою завершенность именно в единстве бейта. “Анжамбеманов” (enjambements) – несовпадение метрических и синтаксических границ, переносов слов, связанных с данным стихом, в следующих стихотворениях за редким исключением нет: каждая мисра – это единое синтаксическое целое. Однако взаимосвязь между первым и вторым полустишием ясно выражена тем, что первый подготавливает второй, служа его условием, экспозицией”.

В своей характеристике бейтов Рудаки раскрывает специфику организации бейта вообще как единицы стиха восточной поэзии: тяготение каждого полустишия к самостоятельности, имеющей не только графическое, но и синтаксическое, и семантическое выражение. В фардах Навои эти тенденции проступают очень отчетливо. В большинстве фардов в “Сокровищнице мыслей” каждое полустишие выражает отдельную мысль. Иногда мисра просто примыкает друг к другу, связываясь лишь общностью темы:

*Щедрость все раздавать, самому не есть,
Мужество все делать, не говоря об этом.*

Часто при полной синтаксической независимости полустиший связь между ними выражается, в том числе мысль одного включает в себя мысль другого.

В большинстве фардов Навои отношения между полустишиями – это отношения между главным и придаточным предложениями:

*Если не хочешь видеть неверности, о приятель,
Не води дружбы с людьми, о приятель.*

Одним из широко используемых А.Навои принципов структурной организации фарда является синонимический параллелизм (структурно подчеркнутая соотнесенность сходно расположенных или тождественных элементов речи в смежных частях текста), когда вторая строка выступает как образное повторение одной и той же мысли, при этом общность содержания подчеркивается единообразием синтаксического строя:

*Успокаивает и богатых и немущих правитель с ясным сердцем,
Освещает благоустройством развалины сияющее солнце.*

(развернутое сравнение)

Встречаются фарды сравнения, построенные на отрицательной параллели:

*Разве узнает разлуку соловей, устроив гнездо в цветнике,
Тот узнает, кто, как я, исчез, оставив свое добро.*

А вот фард, построенный на противопоставлении антонимических понятий:

*Того, кто унижает народ, считают алчным,
Того, кто возвышает его, считают достойным уважения.*

Иногда параллелизм выступает неявно, в подтексте. Однако параллелизм не является единственно универсальным принципом организации фарда. Больше половины фардов “Хазойну-л-маоний” состоят из мисра, логически развивающих одну мысль:

*Они говорили: расскажи о ее талии и устах,
Я сразу же начал: “То ли было, то ли не было”,*

требуется знакомства читателя с традиционным сказочным зачином и восточной поэзией.

Фарды Навои – это самостоятельные миниатюры, обычно не включаемые в качестве фрагментов в другие лирические жанры. Если одна и та же тема, образ уже использовались, в фарде они получают другую интерпретацию.

Фарды Навои, как и другие лирические жанры, представляют интересный и богатый материал для наблюдений над структурой поэтического текста.

Фарды Алишера Навои достаточно близки по своей структуре к пословицам, синтаксический параллелизм, в которых усиливает звучание каждой из двух полустихий. При создании отдельных фардов Навои широко использовал, прежде всего, синонимический параллелизм, когда вторая строка в иных художественных образах повторяет ту же мысль, что была заключена в первой строке. Например:

*Обманщик должен быть хитер, внимания не привлекать,
Так тихо крадется лиса, чтоб птичку быстрюю поймать.*

Но встречаются также фарды, где строки тесно взаимосвязаны: вторая является логическим продолжением первой или же первая строка тесно примыкает по смыслу ко второй. Например:

*Друг обвинит – молчи: он хочет, чтоб в зеркало упал твой взгляд.
Коль мутно в зеркале, не думай, что в этом друг твой виноват.*

Или:

*Кто тебе приносит сплетни, не щадя в них никого,
Тот пред ними обесчестит и тебя же самого.*

В творчестве поэта есть и такой жанр восточной поэзии как туюг. Правда, Алишера Навои создал их немного, всего одиннадцать.

Алишер Навои виртуозно владел этим жанром и создал ряд прекрасных поэтических образцов.

*Рубины губ ее – огонь, они мне душу жгут.
Как лук, мой стан, лишь потяну за тетиву, за жгут.*

*Я клятвам верить был бы рад, но искренни ль они
И свечок верности в тебе зажгут, иль не зажгут?*

Практически все туюги Навои о любви, о любви неразделенной. Лирический герой страдает вдали от своей возлюбленной, и, видимо, ничто не в состоянии ему помочь:

*Бальзам для ран я не нашел, страницы книг листая.
Что тело мне терзает в кровь – не хищных птиц ли стая?*

*Огонь любви мне душу жег, и в горькой той пустыне
Не отыскал ни одного целебного листа я.*

Рассматривая рубаи Навои, можно выделить группы стихов, имеющих однотипные конструкции. Это говорит о том, что формы организации языкового материала осознавались поэтом четко и использовались

намеренно. Устойчивость определенных конструкций позволяет выявить в них объективно существующую логику в построении стиха.

*Устроил место для пира на небесах – держи,
На том пиру солнце сделал кубком – держи,
Этим кубком удовольствие сделал постоянным –
В последний момент спустился на землю держи, держись.*

В этом рубаи отчетливо проступает ступенчатое строение стиха, каждая последующая строка по смыслу исходит из предыдущей, основываясь на той мысли, которая утверждается в ней. Это подчеркнуто использованием в начале последующей строки понятия, которая является смысловым центром в предыдущей строке. В первой и второй строке таким повторяющимся элементом является слово пир, во второй и третьей – кубок. Четвертая строка по семантике резко противопоставлена трем предыдущим, но сохраняет ту же интонацию, что в значительной степени уравнивают ее с остальными. А также само противопоставление осуществляется за счет использования в первой и четвертой строках понятий: небеса и земля. Т.о. четвертая строка как бы восходит к началу, замыкая собою начало и конец стиха.

Частным случаем этого типа конструкций является такой, когда начало второй строки точно повторяет конец первой, а начало третьей – конец второй.

*Друзья, потребуите: откажись от имущества,
Что от имущества, откажись от всего сущего,
Что все сущее, откажись от души и мира,
Не требуите только: откажись от нее.*

Или:

*О, шербет рубинов слаще живой воды,
Что живая вода, слаще сладкой души,
Слаще души, слаще живой воды,
Нет ничего, что было бы слаще него, слаще него.*

Такое повторение слова в бейте в конце первого полустишия и начале второго классическая поэтика называет “тасбе”. В рубаи этот прием продлен еще на одно полустишие, и этим достигается не только большой эстетический эффект, но и соединение двух бейтов рубаи в композиционное единство. Здесь повторяющимся элементом оказывается рифмующееся слово, а редиф (слово или группа слов повторяющиеся в неизменной форме в конце стихотворной строки), которым заканчивается каждая строка, не принимается во внимание.

Во втором примере Навои не только повторяет последнее слово строки в начале следующего полустишия, но дает его в связи со словом, синонимичным тому, с которым оно связано в предыдущей строке, т.е. создает своеобразный палиндром (текст, одинаково читающийся от начала к концу и от конца к началу (А роза упала на лапу Азора), который также

служит композиционному скреплению строк рубаи между собой. Анализ рубаи показывает, что пары строк, т.к. первые три строки уровней конструктивно, а четвертая выступает заключительным звеном, которая завершает связь всех строк в единое целое:

*Стала смерти моей страсть причиной,
Страсти – воспламеняющая чаши красного вина причиной,
Вину – пир и крест причиной,
А всему этому – та нечестивая красавица причиной.*

Но не всегда этот тип конструкций связан с повторением одного и того же слова, поэт может ограничиться сохранением этой логики внешней фиксации последовательной зависимости строк:

*Твои живительные уста – не родник ли живой воды,
От разлуки с ним не полно ли нутро мое кровью,
Каждая капля крови не рубины ли Бадахшана,
Каждый кусочек рубина – не жемчужина ли души?*

Здесь каждая из последующих строк восходит к предыдущей, образуя семантическую цепь, но формально это не отражено.

Связь строк в рубаи может быть осуществлена также на основе разного рода семантических повторов. Одна из их разновидностей называется “тадридж”. Суть его – в постепенном нагнетании экспрессии в стихе от строки к строке. Прием этот характерен для газелей Навои, а также в малых формах – четверостишия – рубаи в сборнике “Хазойну-л-маоний”.

*Этот вестник вздохи и стоны моим делом сделал
Это послание тело мое слабым сделало
Эта тяжелая весть сердце мое окровавленным сделала,
Это окровавленное сердце душу мою погибшей сделало.*

В обще-семантическом плане содержание первых трех строк едино: страдание лирического героя при получении неприятного известия. Различие выражения общей мысли воспринимается по степени нарастания экспрессивности. Это нагнетание экспрессии четко проступает в восприятии читателя на фоне структурной уравновешенности строк создающейся однородным синтаксическим построением каждой фразы. Единообразие начала и конца каждой строки наряду с общностью их семантического содержания диктует и интонацию.

Одновременное уравнение строк в синтаксическом и интонационном плане и выделение различий в семантически однородном и создает эффект поэтического напряжения в стихе, его внутреннюю динамику.

В четвертой строке эмоциональное напряжение доходит до предела и здесь наблюдается семантический сдвиг: причиной воздействия на героя является не внешний фактор, упоминаемый в предыдущих строках, а само внутреннее состояние. Логика связи этой строки со стихом состоит в использовании в качестве грамматического субъекта понятия, выступающего в предыдущей строке в качестве объекта воздействия.

Вот пример сближения ряда пространственных или временных понятий в определенной логической последовательности:

*Передо мной лекаря – целителя моего нет,
Рядом со мною милого приятеля моего нет
Возле меня любимого моего друга нет,
Надо мной милостивого шаха моего нет.*

Принцип организации этого ряда понятий графически можно выразить витком спирали – вокруг и выше. В этом рубаи нужно обратить внимание на то, что каждое слово первой строки совпадает и по звучанию и по размеру с соответствующим словом последующих строк. Этот прием называется “тарсеъ” (оправлять драгоценные камни), используемого в начальных бейтах газели.

Вот пример логики связи строк в рубаи основывается на использовании естественной последовательности временных понятий:

*Рассвет разлуки направил меня к печали,
День разлуки принес мне сто несчастий,
Ночь печали довела меня до состояния, близкого
Пока вошла заря, бессонница убила меня.*

Использование здесь изафетных (присоединение; сочетание определяемого с определением в родительном падеже) состоит в том, чтобы обозначить явление в его временном развитии (утро разлуки, день разлуки, ночь печали) кроме указания на временную ориентацию дает дополнительную экспрессивную характеристику явления. Это дает возможность поэту объединить формально не зависящие друг от друга семантически и синтаксически однородные строки вокруг единого стержня. Этим обеспечивается не механическое повторение частей текста, а их органическая связь. Связь семантически однородных строк может быть осуществлена и на основе простого примыкания. Однородность семантических функций каждой строки может быть подчеркнута параллелизмом (структурно подчеркнутая соотнесенность сходно расположенных элементов речи в смежных частях текста (“В синем море волны плещут, // В синем небе звезды блещут”) использованных грамматических форм. Например:

*Или открывателем сокровенных тайн бывает человек,
Толкователем знаков небес бывает человек,
Или слабым плачущим влюбленным бывает человек,
Безумцем, позором мира бывает человек.*

Здесь за счет одинаковых грамматических форм в стихе образуются внутренние созвучия, которые усиливают впечатление цельности поэтической формы.

Однородные по своим семантическим функциям строки могут быть организованы и подчеркнуты различными грамматическими формациями.

Огонь в моей душе – для рубинов твоего красноречия,

*Звезды на моем лице – для твоей полной луны,
Алиф в моей груди – для кипарисов твоей грациозности,
Приди, заговори, открой лицо – все здесь для твоей души.*

Исследование художественной специфики малых форм лирики Навои позволяют раскрыть механизм построения словесно-поэтических образов. Мы наблюдаем здесь высокое мастерство поэта, которое подняло малые формы лирики на высокую ступень совершенства и дало им права гражданства в тюркской поэзии.

Главное, что явствует из анализа художественного мастерства поэта в малых формах – это большая их выразительность. Идеинная насыщенность и социальная острота творений А.Навои находятся в диалектическом единстве с высокой эмоциональностью.

Малые формы лирики (фард, кытъя, рубаи), обладая своей спецификой, в лаконичной форме выражают мысли поэта с большей свободой и откровенностью, чем другие формы лирики.

Исследуя стихи Навои с точки зрения их художественной специфики, мы использовали не только наблюдения средневековой восточной поэзии, но и современную теорию поэтического языка и стиля (семантизация, звуковые повторы).

Особенностью поэтической речи А.Навои является неременная языковая мотивировка создаваемого поэтического образа, а также прием создания в стихе лексических палиндромов и т.д.

Благодаря творчеству А.Навои малые формы лирики получили право гражданства в тюркской поэзии, были подняты на новую ступень художественной выразительности.

5. Структурные признаки поэтической речи.

Структурные признаки поэтической речи, создающие ее образность или содействующие ей, многочисленны и разнообразны – фонетические, грамматические, композиционно-синтаксические, ритмико-мелодические и другие “прежде всего, необходимо выяснить условия, приемы, принципы и нормы, в свете которых самые различные элементы общественно-бытовой речи становятся поэтическими”. Все это проследим на примере кытъя.

Кытъя по форме этимологически восходит к газели и представляет собой как бы часть этой формы без начального бейта, строки которого рифмуются между собой. Особенно ярко иллюстрирует связь с формой газели кытъя Навои, состоящие из 911 бейтов. Они отличаются от газели только отсутствием начального бейта (матла), но в них сохраняется обязательный для газели бейт, содержащий тахаллус автора. Наблюдения над кытъя Навои дают основание для вывода: отчасти в процессе исторической эволюции этого жанра за ним закрепляется в качестве

основного признака характер содержания стиха. Формальные признаки менее устойчивые. Об этом говорит вынесение тахаллуса в начало стиха:

*О Навои, словами ты рассыпал столько жемчугов,
Моря и залежи сокровищ вышли в черную землю, с твоего тростника.
Каждое из них люди считают за десять, за сто, за тысячу жемчугов,
Что они скажут, если их больше пятидесяти тысяч.*

О том, что доминирующим признаком жанра становится характер содержания стиха, а не его форма, свидетельствует тот факт, что в состав кытѡа включаются месневи, имеющие парную рифму:

*Когда возвратилось больное сердце,
Нашла, что искала, больное сердце,
Когда старость переполнила сердце,
Это причинила ущерб свече жизни.*

Говоря об общем для кытѡа характере содержания стихов, мы имеем в виду, что каждое из них является итогом мудрого размышления над различными проявлениями жизни в широком смысле слова. Стихам свойственна серьезность тона, некоторая торжественность, глубокомысленность. Одна из характерных черт языка Навои состоит в чрезвычайной распространенности в нем определенных сочетаний, в которых сближаются понятия, не имеющие реальной связи или зависимости, но пересечение, которых создает синтез смысла определяемого слова со зрительным образом, который несет определяющее слово. Эти словосочетания, оформленные персидским или тюркским изафетом, например: “куёш чароги” (светильник солнца), “дурри ашк” (жемчуг слез), “ажал сайли” (поток смерти), “кунгул махзани” (сокровищница сердца) и т.д., придают речи высокую стилистическую окраску, оттенок высокопарности. Сближение двух различных понятий позволяет поэту выделить в явлении какую-то одну его сторону и придать ей осязаемый зрительный облик, что способствует достижению поэтической достоверности стиха, и убедительности авторской мысли. В свои стихи Навои вводит рассуждение о требованиях шариата, наполняя их конкретным реальным смыслом, осуществляя через них проповедь высоких моральных человеческих устоев. Употребляя отвлеченные понятия в сочетании с определенными реалиями, оценочной характеристикой, Навои определяет свою позицию и склоняет к ней читателя. Говоря “оранешарбати” (шербат тленности, т.е. земного преходящего существования), “ганжиканоат” (сокровище воздержанности, богатство удовлетворения малым), “викор гавхари” (жемчуг терпеливости), Навои дает нам ключи к пониманию его отношения к этим понятиям.

Переведение отвлеченного понятия в плоскость конкретных представлений осуществляется Навои и на основе использования одновременно двух разных значений одного слова. Плод отказа от услаждения тела здоровье, благополучие. Но чтобы посадить это дерево,

нужно мужество и мудрость. Сближение прямого и переносного значения слова позволяет Навои мотивировать создаваемый поэтический образ, оживляя традиционные символы вынесением их на фон реальных жизненных отношений:

*Сколько огня вложил в меня каждый бейт поэзии,
Что естественно, если живая вода будет бессильна перед ним.
Я бы хотел бросить их в огонь,
Откуда пришли пусть туда и возвращаются.*

Традиционный образ огня – поэтического горения души соотнесен здесь с конкретным значением слова “ут – огонь”, что позволяет противопоставить его другому традиционному образу “обихает” “живая вода”.

В словесной образности языка Навои непременно присутствует точная мотивировка каждого образа, что подтверждает одну из сильнейших сторон его поэтического таланта. Способы, которые использует Навои для создания внутренней мотивировки того или иного образа разнообразны и оригинальны. Средствами достижения цели служат, например, совпадение грамматической формы двух слов или одинакового буквенного состава:

*От чистоты и благочестия хороших женщин
Становится светло в мире,
Неудивительно, так как в арабском языке
Солнце – женского рода,*

в котором сравнение женщины с солнцем обосновано общностью грамматической категории рода у этих слов в арабском языке. Каждая поэтическая строка Навои – это целостное поэтическое единство, где в качестве связующего материала используется обусловленность всех элементов образа их внутренней логической связью, специфическими средствами поэзии. Это достигается виртуозным владением всеми потенциальными возможностями языка, умением наполнить живым смыслом условности те его элементы, которые самостоятельного значения не имеют. “Эта поэтическая рефлексия оживляет в языке мертвое, мотивирует немотивированное. Не только отдельные слова или словосочетания, не только те элементы языка, которые передают вещественное содержание, но и грамматические средства языка в художественной речи могут служить предметом художественной рефлексии”. Эта поэтическая рефлексия позволяет Навои создавать удивительные по своей насыщенности поэтической логикой строки:

*“В своем деле единственный Махмуд Сайёд,
Который стал силком для многих соколов.
Назовите его шахом охотников,
Так как он поймал птицу сердца шаха”.*

Здесь каждое слово не случайно: опираясь на буквальное значение слова Сайёд – “охотник”, Навои и дальше избирает лексику этого же

семантического круга. При этом для выражения своего отношения к изображаемому явлению он использует положительно-экспрессивную окраску слова “шахбоз” “сокол”, которым названы жертвы этого охотника, а вторая его составная часть может быть воспринята как “играющий, ведущий игру с шахом”, т.е. приближенный.

С позиций классической восточной поэтики можно характеризовать такой подход к изображению с внешней, формальной стороны, используя множество слов, близких по смыслу или относящихся к одной сфере употребления. Этот прием называется “таносиб”. Средневековая теория поэтической речи не указывает на различные возможности использования такого сближения слов и неравноценную их эффективность.

Оживление первоначальной самостоятельности слов, входящих в состав устойчивого фразеологического сочетания, может достичь степени полного ее восстановления в пределах, заданных нуждами создаваемого поэтического образа:

*Ул турфа куш хавосида куз тукти дурри ашк,
Жон ейди риштасин анга айлаб хавойи кайд.
В страсти к той диковинной птице глаз рассыпал жемчуг слез,
Душа распустила свою нить, чтобы поймать ее.*

Словосочетание “жон риштаси” (нить души) весьма характерно для всей восточной классической поэзии, и напрашивается аналогия с пришедшим из античности в русскую поэзию выражением “нить жизни”. Например, у Пушкина: “Страдалец мыслит жизни нить в волнах чудесных укрепить”, связано с мифическим представлением о жизни как о нити, которую прядут парки на небесах для каждого человека. Интересно было бы проследить за однородными по своей структуре и внутренней логике традиционными поэтическими выражениями, бытующими в разных языках, установить их происхождение, возможность преемственности. Видится явное смысловое и интонационное совпадение в таких выражениях, как “фано даштида” у Навои и “в степи мирской, печальной и безбрежной” у Пушкина, не говоря уже о множестве подобных совпадений в персидской и классической тюркской поэзии, имевших тесный контакт.

Замечательного эффекта добивается Навои, когда для выражения противоположных мыслей пользуется одними и теми же словами, изменяя лишь их порядок:

*Ошнолардин тилармен айласам бегоналиг,
Кайда мумкин булмогум бегоналарга ошно.
(Я желаю стать чужим для знакомых,
Разве смогу быть близким чужим).*

Лексические палиндромы (перевертень) ошно-бегона способствует более острому восприятию контраста, заключенного в этих бейтах. Рассматривая принципы организации поэтического материала в кытъя, необходимо отметить, что самый распространенный из них основан на

проведении аналогии между явлениями духовного и физического мира. Наблюдая такую же тенденцию в древнерусской литературе, Д.Лихачев отмечает, что в ней отражается идеалистичность средневекового мировоззрения, которое устанавливает во всем “временном” и “тленном”, в явлениях природы, человеческой жизни, в исторических событиях символы и знаки вечного, вневременного, “духовного”, “божественного”.

Сравнение объектов материального мира и мира духовного подчеркивает духовное значение материального мира:

*Не распространяйся о том, что придет на ум,
Так как от этого приходит унижение, выявляются недостатки.
Посмотри, как паук выпустит изо рта длинную нить,
Он постоянно висит на этой нити.*

Основанием для сравнения здесь выступает убежденность в том, что в явлениях природы заключены намеки на разумные этические принципы, которыми необходимо руководствоваться людям. Человек должен понять и расшифровать этот намек. Поэтическую убедительность сентенции (мысль, изречение нравоучительного характера) создает развернутое сравнение. Части сравнения выражены в отдельных бейтах. Такое двучастное построение кытъя характерно для Навои:

*Одевший халат из парчи от легкомыслия бросается во все стороны,
Неудивительно, если есть у него страсть к наживе.
Та муха, которая кажется золотой,
В большинстве случаев находит удовольствие в навозе.*

Такова композиция большинства кытъя в “Хазойну-л-маоний”. Разновидностью ее является такое построение, когда каждый бейт двучастен, а связь их между собой обеспечивается однородностью синтаксического выражения и общностью темы:

*Чистым душой причиняют страдание слезы обмана,
Так же как зеркало ржавеет от влаги.
Сердца честных становятся темными от невежественной болтовни,
Подобно тому, как невежда гасит свечу дыханием.*

В связи с этим Д.Лихачев говорил, что очень частое в средние века бинарное построение стиля художественных произведений отражают своеобразную бинарность художественного мышления, обусловленного средневековым идеализмом.

7. Роль А.Навои в утверждении малых форм лирики в узбекской поэзии.

Анализ содержания стихов Навои в малых формах лирики подтверждает мысль Айбека о том, что суфизм для Навои – прежде всего система взглядов, позволяющая более свободно трактовать явления жизни.

Понятия суфизма, трактуемые Навои в малых формах лирики, исполнены реального содержания и часто имеют смысл этических рекомендаций с целью воспитания в человеке чувства собственного достоинства, личной независимости, преклонения перед красотой и смыслом человеческой жизни.

Рассматривая философскую позицию А.Навои, мы видим, что в решении таких вопросов, как мироздание, свобода воли, познание, Навои не выходит их рамок господствовавших в то время представлений, он разделяет взгляды самых передовых умов своей эпохи. В понимании сущности философских проблем Навои выражает полное единодушие с мировоззрением А.Джами.

Анализ этических воззрений А.Навои свидетельствует о гуманности его устремлений. Его стихи проникнуты заботой о судьбах людей, созидающих на благо страны, поисками путей избавления их от нищеты, произвола, тирании, от злоупотребления чиновников, лжи и лицемерия представителей духовенства. Высокие требования, предъявляемые им к правителям, выражены в его назиданиях шахам и его приближенным. Он придавал большое значение вопросам воспитания, улучшения нравов и борьбе с пороками, которыми было заражено современное ему общество.

Многие положения этики Навои носят общечеловеческий характер и сохраняют свою ценность и в современных условиях. Стихи Навои, глубоко искренние, высокого художественного достоинства, продолжают пользоваться любовью народа до сих пор.

Рассмотрение идейно-тематического содержания малых жанров лирики Навои говорит о широте и многообразии интересов поэта, что в своей поэзии он осуществил синтез философских, научных и культурных достижений своего времени. В его поэзии происходит приобщение религиозных понятий к новым представлениям, переосмысление их, наполнение живым смыслом реальной жизни. В эпоху средневековья такое расширенное толкование религиозных понятий способствовало воспитанию общественного самосознания в духе демократического понимания личности и ее прав, способствовало утверждению возвышенных представлений о человеческом предназначении. Навои сумел выразить и отразить в своей поэзии наиболее прогрессивные элементы современной философии.

Проникновенная и талантливая лирика Алишера Навои – это не только гимн любви. Воспевая это прекрасное человеческое чувство, Алишер Навои пишет о необходимости к духовному совершенству, призывает людей к человечности и красоте. Жизнь, в понимании великого узбекского поэта, это самое прекрасное, что есть у людей, и потому вся его поэзия – это гимн жизни, жизнестойкости и оптимизму:

*Сильней души моей тебя люблю я, жизнь,
Сильней любви своей тебя люблю я, жизнь.*

*Бывает ведь любовь, сильнее которой нету,
И все ж еще сильнее тебя люблю я, жизнь!*

Аннотация: В тексте данной лекции речь идет о лирике, т.к. она наряду с другими родами в творчестве Навои занимает особое место. Речь идет о строении им стихов, об особой образности его лирики, о его новаторстве и соблюдении традиций стихосложения Востока.

Вопросы и задания:

1. Что значит псевдоним “Навои”?
2. Начиная, с какого возраста, Навои стал известен как поэт.
3. Как называется диван, написанный Навои на языке фарси?
4. Из скольких частей состоит диван Навои, который называется “Сокровищница мыслей”?
5. Напишите реферат на тему “Навои и суфизм”.
6. Выучите наизусть одну газель Навои и сделайте поэтический анализ.
7. Попробуйте написать стихотворение, взяв за основу стихи Навои.

Словарь:

Аруз – в классической восточной поэзии вид стихосложения, основанный на чередовании долгих и кратких слогов.

Алиф – первая буква арабского алфавита, представляющая собой вертикальную черту; в поэзии – символ стройности.

Бармак – тюркский силлабический вид стихосложения, основанный на равном количестве слогов в каждой стихотворной строке, безотносительно к месту ударения в том или ином месте.

Газель – лирическое стихотворение, преимущественно любовного содержания, написанное бейтами, связанными одной рифмой.

Рубаи – четверостишие философского или любовного содержания с рифмовской ааба или аааа.

Кытъа – слово означает “отрывок”. Эти стихотворения отличаются лаконичностью и остроумным содержанием, высказыванием в форме афоризма.

Фард – отдельные бейты, которые характеризуются афористической завершенностью высказывания. При этом полустипхи имеют, как правило, парную рифму, но это не обязательное условие.

Мухаммас – лирическое стихотворение, состоящее из одного или нескольких пятистиший со сквозной рифмой, т.е. все строчки одной строфы имеют одну рифму: ааааа. Следующая строфа имеет рифму: ббббб и т.д.

Чистон – небольшое стихотворение-загадка.

Редиф – в восточной литературе поэтический прием, заключающийся в повторе одного слова или нескольких обычно после рифмы для усиления

смыслового звучания. Встречаются произведения с редифом и перед рифмой, или в начале каждой строки.

Касыда – объемное торжественное стихотворение, обычно хвалебного содержания, имеющее сходство с одой.

Туюг – четверостишие любовного или философского содержания, в котором рифмующие строки – первая, вторая и четвертая – содержат омонимичные рифмы.

Тахмис – лирическое стихотворение, состоящее из пятистиший, в котором к каждому чужому бейту прибавляется три авторские строки, с сохранением рифмы. Возможно, писать тахмисы и на свои написанные произведения.

Тарджибанд, таркибанд – форма в поэзии Востока. Строфу тарджибанд образует определенное для данного стихотворения число бейтов с монорифмой (аа, ва, са), заканчивается же строфа бейтом с парной рифмой. Следующая строфа пишется на новую рифму, но завершающее ее двестишие повторяет парную рифму первой строфы и т.д. Частным случаем таркибанда является таржибанд, где в конце каждой строфы повторяется не только рифмовка завершающего бейта 1 строфы, но и весь этот бейт, который именуется “связывающим” и должен перекликаться со всей строфой по смыслу.

Мушаира – поэтическое состязание.

Мусаддас – с араб. букв. – ушестеренный, строфическая форма в поэзии народов Востока. Шестистишие со схемой рифмовки аааааа, вввввв, количество строф в стихотворении, написанным мусаддас колеблется от 4 до 10.

Мустазод – форма классического стиха в поэзии Востока. В мустазод длинные строки (14 и более слогов) чередуются с короткими (6 слогов). Количество строк в строфе от 2 до 10 пар длинных и коротких. В мустазод состоящем из 2 пар строк, в 1й строфе рифма перекрестная, в последних длинные строки не рифмуются, а короткие повторяют рифмы первой строки.

Муамма – своеобразные стихотворные загадки, в которой в качестве отгадки зашифровано какое-нибудь имя. Муамма, как правило, состояла из двух или четырех строк.

Мунозара – литературное произведение, написанное в форме диалога, диспута, в котором каждая из сторон доказывает свое превосходство над соперником. Обычно содержит небольшую панегирическую часть, адресованную лицу, заказавшему это произведение. Этот жанр может быть как поэтическим, так и прозаическим.

Параллелизм – сопоставление. Параллелизм широко используется в устном народном творчестве и литературе.

Палиндром – слова, одинаково читающиеся с конца и с начала.

Литература:

1. А.Навои. Избранное. Т., 1982.
2. В. Жирмунский. А.Навои и проблема ренессанса. М., 1967.
3. Н. Конрад. Средневосточное возрождение и А.Навои. М., 1969.
4. Е. Бертельс. Навои и Джами. М., 1956.
5. В. Захидов. Мир идей и образов Алишера Навои. Т., 1961.
6. Е.Э.Бертельс. Навои. –М.Л., 1948.
7. Ю.Лотман. Структура художественного текста. М., 1970.
8. И.Брагинский. Из истории таджикской и персидской литератур. – М., 1972.
9. Л.Серикова. Малые формы лирики А.Навои. – Т., 1981.
10. Ю.Тынянов. Проблема стихотворного языка. – М., 1965.
11. Д.Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. – Л., 1967.
12. М.Арипов. Гуманизм Алишера Навои. – Т., 1991.
13. М.Хайруллаев. Эпоха Возрождения и мыслители Востока. – Т., 1971.
14. М.Арипов. Об отношении Алишера Навои к суфизму//Философские науки, 1986. №5.
15. www.sufizm.ru/history/into/
16. www.sufizm.ru/goals@way
17. <http://postman.ru/dervish/>
18. Н.Маллаев. Гениальный поэт и мыслитель. – Т.: Фан, 1968.
19. А.Навои. Собрание сочинений в 10ти томах. – Т.: Фан, 1968.
20. А.Хайитметов. Навоий лирикаси. – Т., 1964.
21. Ё.Исхаков. Навоий поэтикаси. – Т., 1984.
22. Н.Бозорова. Алишер Навои газалларида кунгил образи. – Т., 2002.

Тема 3. СРЕДНЕВОСТОЧНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ И АЛИШЕР НАВОИ

План:

1. Общественно-политическая и литературная обстановка периода создания “Хамсе” А.Навои.
2. Отличие ренессансных поэм от поэм средневековья.
3. Литературное размежевание в Центральной Азии.
4. А.Навои – национальный поэт узбекского народа.
5. “Хамса”, ее значение, роль и место у средневековых народов.
6. Связь поэм А.Навои с произведениями других поэтов.

Опорные слова: старый свет, Возрождение, Ренессанс, империя Искандера, идея Универсализма, Вселенская идея, рационализм, мистицизм, мажор, минор.

1. Общественно-политическая и литературная обстановка периода создания “Хамсе” А.Навои.

Самарканд и Герат – это не просто города, где протекала жизнь и деятельность А.Навои, это полномочные представители его мира, той зоны Старого Света, которой они эти города принадлежали.

В IV в. до н.э. эта зона – империя Искандера (Александра Македонского), который показал, что эти пространства – Средняя Азия, Афганистан, Северо-Западная Индия, Иран. Закавказье, средиземноморские страны Юго-Западной Азии и Севера Восточной Африки – составляют не только Среднюю зону Старого Света, но и Центральную: политически – как центр могущественной державы, культурно как важнейший очаг мировой культуры.

Эта зона во II в. н.э. опять стала Центральной, объединенной Кушанской империей, а ее властелином был Канишка. На огромных пространствах этой зоны главенствовало ганорханское искусство – синтез эллинистического, индийского, римского, китайского и других искусств. При Канишке состоялся Вселенский собор буддизма, превративший провинциальное вероучение во вселенскую религию.

В этой же Центральной зоне через два столетия состоялся первый Вселенский собор христианства, выработавшей всеобъемлющую доктрину веры, превратившей провинциальную секту во вселенскую религию. А еще через четыре столетия, в VII в. также в этой зоне был приведен в систему Коран, превративший Ислам в третью вселенскую религию человечества. То, что происходило в этой зоне Старого Света, не было случайностью. Именно здесь еще во времена Искандера твердо установилась одна из самых великих идей человечества – идея универсализма. И вновь Центральной зоной Старого света она стала в век Алишера Навои. В ней вновь ожил великий дух универсализма в двух ипостасях – политической и культурной. На этот раз дух Искандера и Канишки проявился в Тимуре. Но “Империя Чингизидов”, как и “Священная Римская империя” была лишь локальным выражением той подлинно вселенской идеи, которая оформилась в этой Центральной зоне Старого Света в век ее Античности и с особой силой вознеслась в ее Средневековье. Опять в политическом аспекте этот универсализм оказался иллюзией, но в культурном снова стал реальностью.

2. Отличие ренессансных поэм от поэм средневековья.

Когда А.Навои закончил свою “Хамсу”, он показал ее своему учителю А.Джами, который бросил взгляд на рукопись и положил руку на плечо ученика. Взору А.Н. предстало видение: прекрасный сад, величавые мужи ведут беседы. Перед Алишером трое: Амир Хосров, Низами, А.Джами. А за ними стояли Фирдоуси, Унсури, Носир Хосров, Анвари, Хакани, Саади – прославленные поэты с X по XV века.

Джами, показал своему ученику, к кому привела его Хамса. К этим именам прибавим имена великих поэтов, философов, ученых: Рудаки, Руми, Хафиз, Фараби, Бируни, Ибн-Сина открывшие дорогу многим великим умам создателям новых структур мышления, новых явлений в экономике, социальном строе, политической сфере, которые мы называем Новым временем Реформация. Известно, что ренессансный взрыв произошел не в центральной стране западноевропейского Ренессанса, а на его периферии, не в Италии, а в молодой Германии. Это не случайность, а закономерность и в сходных исторических условиях подобную картину можно наблюдать на другом конце Старого Света в Восточной Азии (Китай и Япония). Она была осуществлена в сфере буддизма и основал ее буддизм - Дзэн. Дзэнцы провозгласили единственной основой духовного процесса “сатори” постижение. В этом слове удачно могут сосуществовать обе идеи, заложенные в понятии “сатори” идея познания разумом и идея познания интуицией, т.е. рационализм и мистицизм, которые мы находим в ренессансном мире Алишера Навои.

В поэме Джамии об Искандере, рассказывается об учителе будущего великого завоевателя – об Аристотеле, что Искандер вместе с ним изучал Эвклида и Птолемея, а затем идут Книга мудрости Аристотеля, Книга мудрости Платона, Книга мудрости Сократа, Книга мудрости Гиппократата, Книга мудрости Пифагора, Книга мудрости Искименаса. Книга мудрости Гермеса Трисмегиста.

В поэме Низами – диспут у Искандера о “происхождении Неба и Земли”, в котором участвуют Аристотель, Фалес, Аполлоний Гианский, Сократ, Порфирий, Гермес Трисмегист, Платон. Перечень этих имен – изумительный исторический документ, названы все великие имена античности, все они связаны со Срединной зоной Старого Света; они говорят о Возрождении. Ведь и Сократ, и Платон, и Аристотель, и Пифагор уже прожили свои три эры – своей “Истинности”, своего “Подобия”, своего “Конца”. И вот они возродились в новом, особом облике. Сочетание этих имен – огромная емкость ума, удивительная многоцветность мысли, паразитическое богатство духа!

Все названные великие люди Древности присутствуют и действуют в произведениях А.Навои. Он и в этом – человек своей замечательной эпохи. Ее ренессансный дух проявился и тут.

Хамса – соединение пяти отдельных произведений, героико-романтических поэм. В литературе Ренессанса был и свой реализм, свой

романтизм. Поэмы А.Навои с одной стороны принадлежат романтической стихии Ренессанса. Такая стихия показательна для этой эпохи, как и реалистическая, о чем говорит картина ренессансной литературы и в других зонах Старого Света. На Западе есть новеллы Боккаччо, Сакетти и др., есть “Влюбленный Роланд” Боярдо, “Неистовый Роланд” Ариосто, “Освобожденный Иерусалим” Торквато Тассо. На Востоке есть новеллы Юань Чженя, Бо Синь-Цзяня и др. Есть “Пинхуа Саньго-чжи” (1321), “Саньго-чжи яньи”(1494), “Шуйху-чжуань” (1566). Их называют романами главным образом, потому что они написаны прозой. Японские героико-романтические эпопеи “Согамо-ногатары”, “Гикейки” тоже написаны прозой. “Поэдность” в них создается не стихом, а – образностью, широко развитыми фигурами, ритмом, интонацией и т.д.

Поэмы Навои помогают нам лучше понять отличие ренессансных поэм от поэм Средневековья. “Влюбленный Роланд” совсем не то, что “Повесть о Роланде”. Герой “Песни” рыцарь, со всеми чертами, присущими истинному рыцарю, следовательно, для того времени он обрисован “реалистически”. Герои ренессансных поэм обрисованы “романтически”. И это понятно: в век Ренессанса рыцарей уже не существовало, и если их как-то представляли, то с мобилизацией всех сил воображения и фантазии. Возьмем два образа А.Навои Вот как обрисовано качество витязя на примере Фархада:

*Всего достичь – таков его удел:
Оружием науки он владел.
Оружием отваги – силой сил –
Теперь он также овладеть решил.
И овладел, хватая на бегу
Мог разгибать он радуги дугу;
Тупой стрелой он мог Арктур пронзить,
А острый мог зенит он занозить;
Планету Марс он на аркан ловил,
Созвездью Льва хребет он искривил;
Он выжил воду из созвездья Рыб,
Он шестопером семь бы сфер прошиб.*

Ширин красавица, свои прелести она описывает сама. Вот отрывок из знаменитого ее письма к Фархаду. Разлученный с ней, он горько тоскует, мысленно представляя себе ее облик:

*Лишь о моих ты вспомнишь волосах,
Чернеет ли весь мир в твоих глазах?
Михраб моих бровей припомнив там,
Как юный месяц, не согнешься ль сам?
Мои ресницы вспомнишь ли, грустя?
Чтоб каждый волос стал острей гвоздя?
Лишь вспомнишь ты мои глаза, скорбя,
Пронзит ли боль стоиглая тебя?*

*Представишь ли мои зрачки себе,
 Так, чтобы выжглись клейма на тебе?
 Вообразишь мои две розы ты,
 Прольешь ли розовые слезы ты?
 О родинке моей мечтать начнешь?
 На ране сердца, сколько мук сочтешь?
 ... Когда вообразишь мои уста,
 Блуждает ли в небытии мечта?
 Не стали бы ямки на щеках моих
 Колодцами горчайших мук твоих?*

Такой не знающий границ гиперболам в описаниях и характеристиках, такой разгул фантазии, такая увлеченность стихией героико-романтического приключения, авантюры и составляет существенные приметы поэм Ренессанса, кто бы их ни создавал Низами или Тассо, Навои или Ариосто. Алишер – полномочный представитель этой линии Ренессанса. (Ариосто Лудовико 1474-1533) итальянский поэт. Героическая рыцарская поэма “Неистовый Роланд” (1516), продолжившая “Влюбленного Роланда” М.Боярдо, проникнута тонкой иронией, воплощает гуманистические идеи эпохи Возрождения).

Поэт, у которого герой: Фархад-китаец, Ширин-армянка, Шапур-перс, Кайс-араб, Искандер-грек, этот поэт оказался поэтом узбекского народа. В этом превращении проявление исключительного по важности момента истории мировой литературы – распада зональных литератур на литературы национальные, т.е. изменение масштаба, характера, самой формы существования литературы как общественного явления.

XV век в зоне А.Навои – век Ренессанса, когда Средние века в собственном смысле этого исторического понятия уже уходят в прошлое. Именно в это время процесс формирования “национальных государств”, должен был проявиться с особой ясностью.

В 1501 г. предводитель кочевых узбеков Шейбанихан изгоняет из Самарканда Бабур. Рождается государство, народность начинает превращаться в нацию. Вот как об этом сказал сам А.Навои:

*Я – не Хосров, не мудрый Низами
 Не шейх поэтов нынешних – Джамии.
 Но так в своем смирении скажу:
 По их стезям прославленный хожу
 Пусть Низами победоносный ум
 Завоевал Берда, Ганджу и Рум;
 Пусть был такой язык Хосрову дан
 Что он завоевал весь Индустан
 Пускай на весь Иран поет Джамии
 В Аравии в литавры бьет Джамии
 Но тюрки всех племен, любой страны,*

*Все тюрки мной одним покорены:
 Я войск не двигал для захвата стран,
 Но каждый раз я посылал фирман
 Скажи: писал я дарственный диван
 Не так как государственный диван
 И от Шираза до степей туркмен,
 От Хоросана до китайских стен,
 Где б ни был тюрк, под знамя тюркских слов
 Он добровольно стать всегда готов.
 И эту повесть горя и разлук,
 Страстей духовных и высоких мук,
 Всем собственным невздам вопреки,
 Я изложил на языке тюрки.*

С середины XV века в Средней Азии начался процесс, который можно назвать “литературным размежеванием”. А.Навои подметил это и совершенно точно сам определил свое историческое место: он – тюрк, узбек положил начало отдельной литературе, тюркской. Язык поэм А.Навои – тюркский, староузбекский.

В первой части “Хамсе” в поэме “Смятение праведных” есть удивительное место – о сознании. “Наступление утра” пробуждение сознания: ему открывается весь мир. “Наступление ночи” расширение сознания: звездное небо, открывает ему все мироздание. “Возвращение утра” обогащенное сознание возвращается в дневную оболочку. Дневной лик сознания – язык. Слово. А в слове есть и его душа, и его тело. Душа слова – значение, смысл. Тело слова – звуковая оболочка. А.Навои написал свою “Хамсу” на языке, на котором он мог выразить все содержание своего сознания – и дневного и ночного. Он передал своему народу самого себя.

Общность языка – один из факторов национальной ступени социальной интеграции. Есть и другие – экономические, социологические, политические. Но степень общности, достигаемая с помощью этих факторов в классовом обществе, всегда относительная, в языке же она действительно полная. А.Навои передал своему народу то, что должно было послужить мощным средством создания у носителей этого языка необходимого и императивного чувства национальной общности. А.Навои стал национальным поэтом узбекского народа.

Центральная зона Старого Света, которой принадлежал А.Навои, была родиной универсализма – это и общность и цельность. Об этой цельности поэт напоминает в своей “Хамсе” (“Пятерица”) число пять. Вспоминаются “Пятикнижие” Моисеево и Конфуцианское. Тут и пять первоэлементов вещественной природы – в древнекитайском Шуизуне и в индийской Веданте. Тут и пять факторов, направляющих жизнь человеческого общества: государь и народ, отец и сын, муж и жена, старшие и младшие братья, наконец, друзья. Тут и пять функций государства: законодательная,

исполнительная, судебная, воспитательная и контрольная. Тут и пять внешних чувств: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание; пять эмоций: радость, гнев, желание, страх, горе; пять основных цветов, пять тонов гаммы. “Пятерницами” мир культуры буквально переполнен, и на всех этапах его истории. В числе “пять” воплощена идея цельности как высшего состояния разнородности. Внешних чувств пять, но все они вместе составляют одно целое – систему ощущения человека. Тонов пять, но они составляют одно целое – определенную гамму. Пять поэм – одно целое, то целое, которое зовется человеческой жизнью. Именно об этой высшей цельности жизни – при всей разнородности и противоречивости, действующих в этой жизни сил – напоминает А.Навои своей “Пятерницей” но всякая цельность есть соединение единичностей. И они реальны и индивидуальны. Если подойти к “Пятернице” с музыкальной стороны – звучание жизни, переданное языком слов. Вспомним, что звукоряд реализуется в пяти различных ладах – потому как расположены интервалы между тонами и каждый лад звучит по-своему. Один чистый мажор, другой чистый минор, третий приближающийся к мажору, четвертый – приближающийся к минору, пятый – мажор и минор неразличимы.

Пять поэм А.Навои звучат именно так. Первая часть мажор – поэма “Смятение праведных”. Она многогранна, но основание в ней – макалэ – “беседы”. Критика правителей, духовенства, нравов эпохи, пороков, злодеяний. В других макалэ прославляются прямые, честные люди, стремящиеся к знанию, думающих о благе людей. Но вдруг наталкиваемся на слова:

*О ты, руку которого укрепила власть,
Ведь путь твой ведет к насилию.
Насилие твое над людьми не уменьшается,
Но ты творишь его и над самим собой.*

Контекст здесь ясен: правители грабят народ, награбленное растрачивают на пиршества и разврат. И люди вредят не только другим, но и себе. Насилие над другими есть насилие над самим собой. Глубина этой мысли поражают.

В пятой части – поэме “Стена Искандера”, мы опять удивляемся: где же тут минор? Великий полководец, мудрый правитель, человек, стремящийся к знаниям, умирая, говорит окружающим:

*Когда над здешним садом дух вспорхнет,
Когда к иным оградам дух вспорхнет
И, не увидев света поутру,
Я плоть доверю смертному одру,
Пред тем, как тлену я достанусь в дань,
Мою возденье над могилой длань,
Чтоб эти пальцы людям помогать,
Чтоб люди, глядя, пользу извлекли,*

*Чтоб поняли, что шах семи держав,
В познание сфер семижды величав,
Уходит в область, где желаний нет,
И у него крупницы в длани нет,
Тот, кем владеет жадности огонь,
Да помнит эту нищую ладонь!*

Согласно предсмертной воле тело Александра везут для погребения в его любимый город Александрию. Из гроба высовывается рука с открытой горстью. Ничего в этой руке нет. Это образ поразительной силы. Только гениальный поэт мог создать подобный образ. Почему минор? Не потому что этот образ напоминает нам о тщетности всякой славы и богатства, а потому что мы хорошо знаем и история нас в этом убеждает, что он ничему не научил: завоеватели продолжали появляться и после Александра Македонского, и ничто их не останавливало никакое людское горе, которое они причиняли, ни даже перспективы собственной невеселой участи.

3. Связь поэм А.Навои с произведениями других поэтов.

Поэма, в которой минор и мажор неразличимы это “Лейли и Меджнун”. Эта повесть о разом вспыхнувшей любви, об одержимости этой любовью, о смерти в один и тот же миг. Тема эта и сюжет вечны. И встречались мы с ними не раз.

*Увидел Кайс весеннюю зарю
И стал он весь подобен янтарю
Вокруг царила юная весна –
Его лицо покрыла желтизна.*

*Дыханье осени в его крови:
Восточный вихрь ворвался, вихрь любви,
По телу слабому пошел озноб,
Росой холодной увлажнился лоб.
Он чувствовал: сейчас конец придет,
В беспомыслии сейчас он упадет
Его лицо менялось каждый миг
Он обезумел: он любовь постиг.
Это Кайс. А вот Лейли:
В огонь упала слабая душа,
Сгореть в любовном пламене спеша
Волнение Кайса ей передалось.
Он для нее прозрачным стал насквозь.
Лейли глядит –и видит только страсть
Да, и она любви узнала власть!*

Она, любовь может вспыхнуть и на корабле, идущем по Ирландскому морю:

*Изольда! Тристан!
 Друг милый!
 Мой ли ты?
 Вновь ли моя ты?
 Правда ли это?
 Верить могу ли?
 Снова вместе!
 К сердцу прижмись!*

Судьба таких одержимых одна: они умирают в один и тот же миг. Это кульминация. Самой любви и судьбы любви.

*Так примем смерть,
 Чтоб не знать разлуки.
 Быть вместе вечно, без конца
 Без пробужденья, сожаленья,
 Утратить имена свои
 В любви единством став.*

Смерть окончательно изменила этих западных Лейли и Меджнуна.

“Прасковья Федоровна! ... А вы лучше мне скажите, задушевно попросил Иван, а что там, рядом, в сто восемнадцатой комнате сейчас случилось?..

Скончался сосед ваш, сейчас, прошептала Прасковья Федоровна...

Я так и знал. Я уверяю вас, Прасковья Федоровна, что сейчас в городе еще скончался один человек. Я даже знаю кто, тут Иванушка улыбнулся, это – женщина!”

Да, Мастер и Маргарита умерли в одно и то же мгновение. И уже потом там звучит песнь Изольды:

“Слушай беззвучье, слушай и наслаждайся тишиной. Смотри. Вон впереди твой вечный дом, который тебе дали в награду. Я уже вижу венецианское окно и вьющийся виноград, он поднимается к самой крыше. В твой дом, вот твой вечный дом. Ты будешь засыпать... ты будешь засыпать в улыбкой на губах... Беречь твой сон буду я!”

*Вот он нежно улыбнулся...
 Тихо взор открыл прекрасный...*

(Перевод В.Коломийцева)

*Так примем смерть,
 чтоб не знать разлуки.
 Быть вместе вечно,
 без конца,
 без пробужденья, сожаленья,
 утратить имена свои,
 в любви единством став.*

Мастер и Маргарита умерли в одно и тоже мгновение.

Поэты нашли разные слова, чтобы сказать о смерти и любви. Нашел свои слова и А.Навои:

*Тогда влюбленный появился вдруг,
Пришел, как вечный друг... Нет, вечный друг!
Глаза – глаза желанные нашли:
Глаза одно желание прочли.
Возлюбленная руку подняла,
Возлюбленному душу отдала.
Возлюбленный склонился, не дыша:
К возлюбленной ушла его душа.*

Чудесны слова, сказанные о смерти в любви Тристана и Изольды, Мастера и Маргариты. Но как чудесны те слова, которые нашел для этого А.Навои:

*Возлюбленному душу отдала.
К возлюбленной ушла его душа.*

“Порадуемся, что был такой поэт, как А.Навои. Скажем великое спасибо узбекскому народу, принесшему нам в дар такого поэта. И будем не только изучать его, но и читать. И не только читать, но и думать над ним. Сделаем его своим! Он пришел из одной великой эры Ренессанса к другому Ренессансу – еще большего исторического смысла”.

Аннотация: В данной теме речь идет о средневосточном возрождении и о роли и месте в нем Алишера Навои. Делается сопоставление произведений мировой литературы с “Хамсой” А.Навои.

Вопросы и задания:

1. Дайте характеристику Искандеру.
2. Кто и почему возносит идею Махаяны, “Большого колеса” и почему?
3. Какую территорию вы понимаете под Срединной и Центральной зоной?
4. Расскажите о Ренессансе.
5. Напишите сочинение на тему: “Любовь смысл жизни”.
6. Что общего между Лейли и Изольдой.

Словарь:

Зона – территория, граница.

Старый Свет – Европа.

Сравнение – сопоставление двух предметов или явлений, обладающих общим признаком, для пояснения одного другим. Сравнение состоит из двух частей, которые соединяются чаще всего посредством союзов (как, точно, подобно, как и т.д.).

Реалистическое – правдоподобное.

Романтическое – возвышенное.

Роман – произведения большой эпической формы, охватывающее широкий круг явлений частной и общественной жизни, изображающее в процессе развития многочисленные человеческие характеры в их противоречивых взаимоотношениях.

Поэма – один из видов лироэпического жанра. Основными чертами ее является наличие развернутого сюжета и вместе с тем широкое развитие образа лирического героя, активно включающегося, помимо сюжета, в характеристики персонажей, оценивающего их, как бы принимающего участие в их судьбе.

Образ – категория эстетики, присущая только искусству, способ освоения и преобразования действительности.

Притча – небольшой рассказ, содержащий поучение в иносказательной, аллегорической форме.

Пейзаж – (франц. *paesage* от *paus* – страна, местность) – картина природы, имеющая различное художественное значение в зависимости от стиля автора, литературного направления, с которым связано произведение.

Литература:

1. В.Жирмунский. А.Навои и проблема ренессанса. М., 1967.
3. Н. Конрад. Средневосточное возрождение и А.Навои. М., 1969.
4. Е.Бертельс. Навои и Джами. М., 1956.
5. В. Захидов. Мир идей и образов Алишера Навои. Т., 1961.
6. Ю.Лотман. Структура художественного текста. М., 1970.
7. М.Арипов. Гуманизм Алишера Навои. – Т., 1991.
8. М.Хайруллаев. Эпоха Возрождения и мыслители Востока. – Т., 1971.
9. Н.Маллаев. Гениальный поэт и мыслитель. – Т.: Фан, 1968.
10. А.Навои. Собрание сочинений в 10ти томах. – Т.: Фан, 1968.
11. А.Саади. Творчество А.Навои как высший этап узбекской классической литературы. – Т.
10. Г.Алиев. Темы и сюжеты Низами в литературах народов Востока. – М., 1983.
11. А.Абдугафуров. Буюк бешлик сирлари. – Т., 1993.
12. Ф.Хамраев. Великий гуманист//Преподавание языка и литературы, 1991. №2.
13. В.Н.Владимирова. Алишер Навои//Преподавание языка и литературы, 2000. №6.
14. Ф.Хамраев. Жизнь и творчество Алишера Навои//Преподавание языка и литературы, 2002. №2.

Тема 4. “ХАМСА” АЛИШЕРА НАВОИ

План:

1. История создания “Хамсы” А.Навои. Сходства и различия.

2. Художественные особенности “Смятение праведных”.
3. Образная система поэмы “Фархад и Ширин”.
4. Тема любви в поэме “Лейли и Меджнун”.
5. Художественное мастерство А.Навои в поэме “Семь планет”.
6. Образ Александра Македонского, государя и полководца в поэме “Стена Искандера”.
7. Значение “Хамсы” А.Навои в развитии литературы.

Опорные слова: “Хамса”, поэтика, риторика, Низами, Хосров Дехлеви, Абдурахман Джами, тема, идея, обрамление.

1. История создания “Хамсы” А.Навои. Сходства и различия.

Выдающийся узбекский поэт Алишер Навои был не только тонким и проникновенным лириком, но и великолепным автором крупных эпических произведений и, прежде всего, “Хамсы”.

В XV веке перед узбекскими литераторами, которые все больше и больше создавали произведения на родном языке, встали сложные и ответственные задачи. Одной из таких задач было создание на узбекском языке “Хамсы” (“Пятерицы”) эпического повествования, состоящего из пяти поэм. В литературе Среднего Востока “Хамса” была широко популярна, но лишь немногим поэтам удалось создать действительно шедевры в этом жанре. Это были действительно выдающиеся поэты своего времени, такие как Низами Гянджеви, Хосров Дехлеви, Абдурахман Джами.

Алишер Навои предпринял попытку создания своего варианта “Хамсы”, понимая, какая ответственность при этом лежит на нем. Это было важно не только для всей последующей тюркоязычной литературы, но, прежде всего, для самого Алишера Навои: проверка на художественную зрелость и поэтический талант. И поэт блестяще справился с поставленной задачей, создав восхитительную собственную версию жанра, имевшего трехсотлетнюю традицию. Признавая и отмечая творческие успехи своих предшественников, он творчески использует их бессмертные произведения, а также искусно пользуется многочисленными историческими источниками, произведениями устного народного творчества, прекрасным знатоком которого являлся поэт. При этом Алишер Навои не замалчивает и некоторые, на его взгляд, недостатки творений великих поэтов Востока. И все же Алишер Навои пишет:

*Я верю – мне поможет Низами,
Меня Хосров поддержит и Джами...*

В “Пятерицу” входят пять поэм: “Смятение праведных”, “Лейли и Меджнун”, “Фархад и Ширин”, “Семь планет”, “Стена Искандера”. “Пятерица”, насчитывающая более пятидесяти трех тысяч стихотворных

строк, написанных в предельно короткий срок менее чем в три года (1483-1485).

В период написания “Пятерицы” Навои находился в расцвете литературного таланта. Он широко использовал свой жизненный опыт, а также фольклор и лучшие традиции письменной литературы. Вместе с тем “Пятерицей” поэт как бы отвечал на одноименные произведения своих предшественников, прежде всего уже известного нам Низами Ганджеви и Амира Хосрова Дехлеви. Тем самым Навои брал на себя трудную задачу.

Во вступлении к поэме “Фархад и Ширин” он так говорит об этом:

*Кого с тобой в сравненье ни возьми,
Никто тебе не равен, Низами!*

*А впрочем, был среди людей один –
На Инде певший соловей один.*

*Не соловей, а Хызр. Ведь знаем мы:
Был Индустан ему страной тьмы,*

*А речь была той звонкой, той живой
Им найденной во тьме водой живой.*

*Но на ристалище со мной не он,
Я с Низами бороться принужден.*

*Рукой, схватив такую “Пятерню”,
В руке надолго ль силу сохраню?*

*У всех трещали пальцы до сих пор,
Кто с Низами вступил в подобный спор.*

*Быть надо львом, чтоб рядом сесть со львом,
Тем более чтоб в драку лезть со львом.*

*Иль не слонем таким же надо быть,
Чтоб с хоботом слоновым хобот свить?*

*И мушка хоботком наделена,
Но муха не соперница слона.*

*А предо мной слоны: ганджинский слон,
Поистине – он исполинский слон!*

Да и второй не столь гигантский слон,

Но слон, однако, индустанский слон!

Обращаясь к поэмам, прежде всего, следует отметить, что все поэмы Навои представляют собой так называемые “ответы” (назира) на поэмы его предшественников, написанные на персидском языке.

Обычай писать такие “ответы” было широко распространено на Переднем Востоке. Основное задание этого жанра заключается в следующем: поэт берет тему своего предшественника, сохраняет имена главных героев и некоторые условные моменты развертывания сюжета, но в развитии характеров, в мотивировке тех или иных действий героев, в сцеплении событий действует уже по своему усмотрению. Получается как бы своего рода состязание с предшественником. Развязка читателю известна заранее (если он знаком с оригиналом “ответа”), при чтении его больше всего интересует не то, чем закончится конфликт, а как автор подведет к его разрешению, как мотивирует тот или иной поступок своего героя. При этом название поэмы обычно строится так, что содержит в себе намек на название оригинала, повторяет его ритмическое построение или рифмуется с ним.

Степень близости “ответа” к его оригиналу может быть чрезвычайно различной. Если у плохих поэтов “ответ” зачастую лишь плохая копия оригинала, выполненная грубо и неуклюже, то у первоклассных поэтов “ответы” почти всегда совершенно оригинальное произведение, представляющее вполне самостоятельный интерес. Бывают случаи, когда в поэме столь мало совпадений, что если бы не повторение собственных имен героев, трудно было бы подумать, что эта поэма “ответ” на поэму того или иного предшественника.

Все эти факты нужно учитывать, приступая к характеристике поэм Навои. Многие из представителей востоковедения Запада, исходя из того, что поэмы Навои по тематике совпадают с “Пятерицей” Низами, объявили Навои переводчиком с персидского, а его произведение лишенным оригинальности. Это было глубочайшее заблуждение. Прежде всего, как при таком подходе определить деятельность друга Навои Джамии? Ведь он тоже писал ответы на поэмы Низами, но писал их на персидском языке. Выходит, что он переводил с персидского на персидский?

Затем степень близости двух произведений друг к другу можно определить только путем тщательного их сличения, а заниматься этим западноевропейская наука не желала. Литература Востока вообще изучалась не особенно углубленно, но даже и при таком изучении Навои, который имел права на исключительное внимание, почти всегда оставался вне поля зрения науки. Достаточно сказать, что долгое время ни одно из многочисленных произведений Навои так и не дождалось научно-критического издания. При работе над ним до последнего времени пользовались литографированными изданиями, на которые, конечно, нельзя особенно полагаться. Только сейчас, наконец, готовится полное издание всех его произведений на основании материалов наших книгохранилищ, которые обладают рядам прекраснейших

рукописей, переписанных еще при жизни самого Навои и украшенных великолепными миниатюрами!

Исследования последних лет убедительно доказали, что рассматривать произведения Навои как переводы совершенно невозможно, несмотря на то, что его поэмы представляют собой “ответы” на творения Низами и отчасти одного из первых подражателей Низами знаменитого индоперсидского поэта Амира Хосрова Дехлеви. Можно сказать лишь, что Навои не случайно выбрал себе в качестве соперника одного из величайших поэтов Востока. Идя по его стопам, он как бы хотел подчеркнуть, что не боится сравнения с Низами, что может достигнуть на своем родном языке тех же результатов, которых Низами добился на языке персидском.

Поэмы Низами служили для Навои только как бы своего рода толчком. Совпадения в развитии сюжета встречаются только в отдельных местах, причем сплошь и рядом Навои переносит мотив Низами из одной поэмы в другую, совершенно изменяя всю композицию и характеристику героев. Из всех поэм Навои, пожалуй, наиболее показательна в этом отношении “Фархад и Ширин”. Связь ее с поэмой “Хосров и Ширин” Низами очевидна. Сам Навои упоминает об этой связи в предисловии к своей поэме. Однако композиционно поэма изменена настолько, что если бы не совпадение имен главных героев, то не сразу можно было заметить связь, существующую между этими двумя произведениями.

Поэма Низами “Хосров и Ширин” написана в 1181 году и, возможно, была несколько переработана в 1191 году. Послужившая основой для нее легенда любви иранского царя Хосрова II Парвиза (590-628) к прекрасной царевне Ширин возникла, вероятно, еще до покорения Ирана арабами и в какой-то форме входила в официальную придворную хронику сасанидов, составленную в VII веке. Помимо такой “канонизированной” версии, в народе обращалось еще множество преданий, так или иначе связанных с ее героями. Были известны эти предания и на родине Ширин в Арране, ибо Низами указывает, что в Бердаа он нашел какую-то версию легенды, несколько отличающуюся от обычного ее вида, которая вошла и в знаменитую “Шахнамэ” Фирдоуси, покоящуюся на сасанидских хрониках. Приступая к созданию своей поэмы, Низами хотел увековечить в ней образ своей первой жены, прекрасной кыпчакской рабыни Афак, которую он незадолго до того утратил. Таким образом, Ширин, которая, как говорит сам поэт, создана по подобию Афак, поставлена у него в центр всей поэмы. Низами выдвигает сложную психологическую проблему: два героя любят Ширин; один из них – носитель царского сана, прекрасный, смелый, искусный во всех рыцарских забавах, но легкомысленный, непостоянный, нерешительный, более склонный прожигать жизнь, чем решительно действовать, Хосров. Любовь Хосрова эгоистична; он ищет, прежде всего, забавы; добившись цели, он может забыть все страстные клятвы и отправиться на поиски новых любовных приключений.

Второй влюбленный титанический Ферхад. Это простой ремесленник, но величайший мастер своего дела – препятствий для него не существует. Сказочная сила его рук и небывалое до него искусство позволяют ему дробить твердый гранит и создавать из природной скалы чудеснейшие архитектурные и скульптурные сооружения. Он полюбил Ширин, даже не видав ее, так как она, призвав его к себе в замок, чтобы поручить постройку канала, не вышла к нему и говорила с ним из-за завесы. Его любовь полная противоположность любви Хосрова. Любя, он отдает все свои силы, всего себя любимой женщине, ничего не требуя. Сама любовь мучительная, жгучая уже служит ему наградой. Ферхад - персонификация труда, как бы гигантское изваяние, изображающее неодолимую мощь народа.

Ширин знает о любви Ферхада, она жалеет его, стремится помочь ему, но любить его она не может, ибо ее сердце отдано одному Хосрову. Она знает, что Хосров недостоин ее, что как человек он не выдержит сравнения с Ферхадом, что он способен даже на низость; она иногда мучительно стыдится его поступков, но преодолеть любовь к нему не может. Ширин вступает на единственный возможный для нее путь: пользуясь всеми имеющимися в ее распоряжении средствами, она стремится поднять Хосрова до себя. Это нелегкое дело. Вновь и вновь Хосров совершает нелепые поступки, но могучая любовь Ширин преодолевает все, и в конце поэмы Хосров предстает перед нами уже в облике героя, способного на благородное самопожертвование.

Между тем любовь удваивает силы Ферхада. Под влиянием своей страсти он совершает сказочный подвиг, один прокладывает дорогу через гранитную гору Бисутун. Конечно, никакой его подвиг не заставил бы Ширин изменить Хосрову, заранее ясно, что его труды напрасны. Но Хосров этого не знает и, опасаясь самоотверженной любви Ферхада, черным предательством губит его.

Таким образом, основное задание поэмы показать душевную борьбу своих героев. Центр тяжести в этом, и поэтому Низами уделяет в этой поэме такое большое место диалогу, стараясь отразить в речах героев их переживания. Внешнее же действие подается скупой, намечается лишь основными штрихами, а некоторые эпизоды, подробно описанные у Фирдоуси, Низами вообще опускает, говоря, что пересказывать всем известные дела не стоит.

Композиция поэмы Навои совершенно иная. Исследователи указывали на полное изменение образа Хосрова. Хосров Навои - это кровожадный тиран, насильник, лишенный каких бы то ни было положительных качеств. Навои нигде не говорит о его возрасте, но ясно, что это не сказочно прекрасный юноша Низами, а скорее человек пожилой, добивающийся во чтобы-то ни стало осуществления своего каприза. Ради прихоти он готов на все, спокойно проливает потоки крови, без колебаний идет на предательство.

Ферхад Навои тоже не похож на Ферхада Низами. Прежде всего,

следуя в этой части поэме Эмира Хосрова, Навои делает Фархада сыном китайского хакана, а не простым ремесленником, как Низами. Нужно иметь в виду, что Китай для Навои, прежде всего китайский Туркестан. Потому и повелитель его носит тюркский титул хакана, а не называется “фагфуром”, как его нужно было бы называть, если бы Навои считал его китайцем. Другими словами: Фархад до известной, степени принадлежит к тому же народу, как и сам поэт. По внешнему облику Фархад настоящий царевич. Но, помимо всех полагающихся ему по сану доблестей, он обладает одной чертой, которая явно приводит нас в Герат XV века. Это его страстная любовь ко всякому человеческому умению, его жажда самому лично постигнуть тайны всех искусств и ремесел. Вторая необычайная черта его любовь к народу, его стремление облегчить страдания народа, не подвергать его никаким насилиям.

Едва ли можно сомневаться в том, что образу Фархада Навои придал ряд новых черт, продиктованных гуманизмом Навои, его ненавистью к насилию и гнету, любовью к искусству и ремеслам и неутолимой жаждой знаний.

Изменив, таким образом, фигуру Фархада, Навои должен был перестроить и всю композицию поэмы. Как он сам говорит во вступительной главе, нужно было дать “предысторию” главного героя. Здесь Низами ему никаких материалов не давал. Для Низами Ферхад – эпизодическая фигура, и потому рассказывать о его прошлом, о том, что он делал, до появления в замке Ширин, он не считает нужным.

Для построения истории Фархада Навои прибегает к фольклорным мотивам и создает целый авантюрный роман. Тут и таинственная шкатулка, и полный приключений поход на поиски древнего мудреца, и бой с драконом, и схватка со зловещим Ахриманом.

Поэт создает сложнейшую ткань, не позволяя вниманию читателя ослабнуть ни на минуту.

Иначе подан в поэме Навои и мотив любви. Это уже не простая человеческая страсть, а всепоглощающее чувство, роднящее Фархада с другим излюбленным героем Востока Меджнуном. Можно было бы сказать, что Фархад Навои это Меджнун, ставший, однако, активным, добивающийся своих целей и только лицом к лицу с возлюбленной теряющий все силы и способный лишь преклоняться перед нею. Не случайно, то обстоятельство, что Фархад Навои так часто сам сравнивает себя с легендарным арабским влюбленным.

Ширин у Навои уже не играет той крупной роли, которая ей отведена у Низами. Она любит не Хосрова, а Фархада. Это страстно любящая женщина, верная своему избраннику, готовая ради него на любые жертвы, но и только, Ни о каком конфликте, ни о какой сложной проблеме, перевоспитания друга ей заботиться уже не нужно.

Изменены даже и второстепенные персонажи. Художник Шапур у

Низами хотя и школьный товарищ Ферхада, но он, прежде всего агент Хосрова, от него Хосров узнает о существовании Ширин, при его посредстве завязывается роман, он служит посредником, и далее, исполняя, правда очень неохотно иногда даже не слишком благородные поручения Хосрова. При его же посредстве наступает и развязка: Ширин становится женой Хосрова.

У Навои Шапур связан только с Фархадом. Это его друг, помогающий ему во все трудные минуты, готовый отдать за него жизнь. Интересно отметить, что такое изменение роли даже несколько ослабило роль Шапура как художника. У Низами роман завязывается благодаря нарисованному Шапуrom портрету Хосрова: Здесь эта черта уже не нужна, и хотя она кое-где и упоминается, но большой роли в поэме не играет.

Весьма характерным отличием можно признать также резкое изменение картин природы. Низами держится преимущественно излюбленных пейзажей XV века цветущий сад, лужайка и тому подобное, хотя, в случае необходимости, может дать и прекрасные описания необычного типа. Навои рядом с этими описаниями любит включать картины на темы, мало разработанные поэзией Переднего Востока. Это природа фантастическая, полная смелых контрастов в духе барокко. Поражают своей исключительной смелостью описания сада Ахримана, картина отплытия флота китайского хакана, описание бури на море и т.д.

Итак, мы отметили, что различия между поэмами Навои и Низами, как по композиции, так и по отношению к характеристике героев весьма велики. Вообще легче, пожалуй, было бы перечислить немногие совпадения, чем все различия. Вот эти основные совпадения: совпадают имена героев: действующих лиц, совпадает то, что Ширин любят оба героя, совпадает момент гибели Фархада (и то лишь в общих чертах), наконец, частично совпадают и обстоятельства смерти Хосрова.

Но почти все это черты, содержащиеся в самой легенде, и потому изменить их было уже невозможно.

Приведенного вполне достаточно, чтобы показать, на каких шатких основаниях покоились утверждения тех востоковедов, которые считали возможным говорить о поэме “Фархад и Ширин”, как о переводе поэмы Низами. Совпадений здесь не больше, чем в любом случае, когда два писателя любой эпохи берутся за исторический роман, связанный с одним и тем же героем.

Если “Хосров и Ширин” это гимн женской любви, вдохновляющей на подвиги, то “Фархад и Ширин” перемещает центр тяжести и выдвигает на первое место Фархада персонификацию жертвенной любви, которая все отдает, ничего для себя не требуя. Кроме того, введен еще и мотив преданной дружбы Шапура и Фархада, у Низами совершенно отсутствующий.

Говоря о поэмах Навои, трудно определить, какая из них лучшая. Хороши все пять поэм, но читателя, пожалуй, больше всего должна пленить именно поэма “Фархад и Ширин” первая поэма Навои, переведенная на

русский язык, как, впрочем, и на европейские языки вообще. Обилие действия, изумительное разнообразие картин, стройно сложенная композиция, пленительный образ Фархада все это, несмотря на значительные размеры поэмы, позволяет читать ее не отрываясь.

Пять объемных дастанов Алишер Навои создает практически за два года. Все они были широко популярны в народе и неоднократно переписывались лучшими каллиграфами того времени, среди которых были и многие замечательные поэты. Во многом, благодаря именно этому обстоятельству рукописи “Хамсы” дошли до нашего времени, и при этом есть даже прижизненные экземпляры, некоторые из которых хранятся в рукописном фонде Института востоковедения АН Республики Узбекистан.

2. Художественные особенности поэмы “Смятение праведных”

Первая поэма “Хамсы” “Смятение праведных” датируется 1483 годом. Поэт написал ее в необычайно короткий срок. Поэма носит философско-дидактический характер и широко отражает основные проблемы общества того времени.

Поэма распадается на шестьдесят четыре главы, первые из которых, по традиции, посвящены Аллаху и пророку. Далее раскрывается мировоззрение автора на различные проблемы бытия и сознания. Это и вопросы религиозного характера, взгляды на возникновение вселенной и, самое главное, судьба и предназначение человека. Именно человек является совершенным творением на этой земле, он является хозяином, так как наделен прекрасными качествами:

*Сам стал он царством, троном и царем
Всевидящим и сведущим во всем.*

*Он суть свою, как книгу, прочитал,
Себя познав, он истину познал.*

*Дай, кравчий, чашу чистого вина!
Да будет чаша царственно полна!*

*Я пламя жажды духа утолю,
Как бога, Человека восхваляю!*

Очень смелое для того времени высказывание.

Излагая свои мысли, Алишер Навои во всех беседах предстает перед читателями не только как поэт, но и как философ, политик, умудренный опытом учитель:

*О, устремленный к Истине всегда,
Согнувшийся под ношею труда!*

*Служа добру, пылинкой ты влетишь,
Глаза высокомерья ослепишь...*

*...Ты неуклонно путь свой проходи,
И в скромности достоинство блюди...*

Несмотря на соблюдение традиций Востока в написании поэм подобного рода (вспомним “Кутадгу билиг”), поэма Алишера Навои оригинальное авторское произведение, отражающее ту далекую эпоху. А мысли и суждения автора сыграли значительную роль в формировании общественного сознания людей. Поэт этого страстно желал, и желания его сбылись:

*И пусть глубины мысли в книге сей
Откроются, сияя, для людей!*

3. Образная система поэмы “Фархад и Ширин”

По общему признанию исследователей творчества Алишера Навои, наиболее значимым и талантливым является следующий дастан “Фархад и Ширин”.

В основу композиции поэмы был положен известный в мусульманском Востоке сюжет народного дастана, который в своих “Пятерицах” использовали Низами и Дехлеви.

В поэме Навои ощущается страстное желание вдохнуть новую жизнь в известный сюжет. Если в первой поэме своей “Пятерицы” Алишер Навои теоретически обосновал свое понимание идеала человека, то во второй поэме он от теории перешел к конкретному воплощению своего понимания. Изображая Фархада как главного героя (в отличие от своих предшественников), Алишер Навои нарисовал этот образ с большой любовью, тонким вкусом и высоким художественным мастерством. Он воплотил в себя лучшие качества, какие только могут быть присущи человеку, и о которых Навои писал в “Смятении праведных”.

Идея большой, единой любви, захватывающей человека всего, любви, полной самоотречения и самопожертвования, любви идеально чистой, чье движущее начало – не плотские страсти, а родство душ, вот вторая узловая идея поэмы “Фархад и Ширин”.

У хакана Восточного Туркестана наконец-то рождается долгожданный ребенок – сын, которого назвали Фархадом. Он получает прекрасное воспитание и образование и становится лучшим ученым, художником, мастером. При этом он наделен необыкновенной красотой и силой:

*Но хоть ученым он прослыл большим
И был, как богатырь, несокрушим,*

Он скромн был, как новичок, едва

По буквам составляющий слова.

*Он силой не хвалился никогда,
Ни в чем не заносился никогда,*

*И равнодушен к власти, он скорей
На нищенство сменил бы власть царей.*

*Он сердцем чист был и очами чист,
Всем существом, как и речами, чист,*

*Чистейшее на свете существо!
И весь Китай благословил его.*

Однако главный герой чем-то опечален, и никто не знает причину этого. В казне своего отца Фархад находит чудесный хрустальный ларец. Чтобы раскрыть его тайну, необходимо отправиться в Грецию, где живет хранитель тайны ларца великий мудрец Сократ. Фархад отправляется в путешествие. Для достижения своей цели Фархад совершает ряд подвигов: сражается с драконом и дивом Ахриманом и побеждает их, достигает сокровищницы Искандера. Затем он встречается с Сократом и беседует с ним.

Разгадав тайну ларца, Фархад находит волшебное зеркало судьбы зеркало Искандера. В нем он видит свою судьбу, видит красавицу, которую полюбил с первого взгляда. Он покидает родину в поисках возлюбленной, но не находит ее. После долгих необычных приключений Фархад знакомится с Шапуром и тот подсказывает другу, что увиденная Фархадом в зеркале страна Армения. Друзья отправляются на поиски красавицы.

Достигнув страны Армении, Фархад совершает и там подвиг: в скале пробивает русло реки, пускает воду в долину:

*И так благодаря его трудам
Все люди воду получили там...*

*“Рекою жизни” тот арык с тех пор
Зовется у людей армянских гор...*

Благородство и красота Фархада покоряет Ширин, и она отвечает ему взаимным чувством. Образом Ширин Алишер Навои выразил свое понимание и женской красоты, и чувств, и идеального характера.

Рисуя образы двух идеальных героев, равных и достойных друг друга, Навои проводит мысль о том, что они являются не просто родственными душами, а являются двумя половинками единого целого. И не случайно, что когда трагически погибает Фархад, Ширин не в силах жить без любимого.

Образная речь Алишера Навои не только по-восточному пышна, образ Фархада в поэме не только красочен и ярък, он так для того, времени

поэтически смел, что зачастую и в этом становится неожиданно близок нам, людям XX столетия.

Разве не смело было бы даже для нашего современника сказать, что герой был так силен и так ловок, что “в кольцо сгибал он радуги лугу”:

*Соединить ее концы он мог,
Соединяя Запад и Восток.*

Или в описании бури на море сказать про бушующий вал:

*... И пеною все плещет в небеса,
Пощечинами хлещет небеса.*

*А от таких пощечин небосвод
Темнел, стал мрачным очень небосвод.*

Настала ночь...

Тут интересна не только поэтическая смелость, здесь, как и в ряде других случаев, Навои раскрывается как исключительный мастер локального образа. Навои по традиции, сравнивает не раз стройный стан Фархада с кипарисом. С кипарисом же сравнивается и Ширин. Это один из тех поэтических фольклорных штампов, без которых не обходится ни один восточный поэт. Но вот Навои говорит о реальном дереве – кипарис, как бы переворачивает штамп обратной, скрытой раньше стороной:

*Был строен каждый кипарис, был прям,
Как будто тень Фархад отбросил сам.*

В описании красоты Ширин Навои не жалеет красок:

*Злоумышляла с бровью будто бровь,
Как сообща пролить им чью-то кровь.*

*И на Коране ясного лица
Быть верными клялись ей до конца...*

Мастер изумительных афористических образов, Навои не менее силен и в образах широко и последовательно развернутых. Вот как он дает картину необычно знойного лета:

*Конец джауза. Ветер раскален,
Все обжигает он со всех сторон;*

*И небо, словно печь, раскалено,
И солнце, как язык огня, красно.*

*Заря вздувает пламя, словно мех,
Ночь подсыпает уголь без помех;*

*Не метеоры падают в ночи,
То искры вылетают из печи...*

Поэма “Фархад и Ширин” написана одиннадцатисложным стихотворным размером “хозадж” системы “аруз”, не имеющим точного подобия в русском стихосложении. Разумеется, какую-то аналогию стиху оригинала поэмы лабораторным путем можно было создать. Но, приступая к переводу поэмы и решая проблему ее звучания на русском языке, переводчик обратился все же к классическому пятистопному ямбу.

Таким образом, любовь сына хакана и армянской царевны – основное содержание поэмы. Однако, изображая страстную любовь красивых, мужественных и целеустремленных молодых людей, автор ставит ряд важных для своего времени вопросов: о справедливом и мудром правителе; о просветительстве и просвещении творческого труда; о защите интересов своего народа и народов других стран и многие другие. Главные герои обладают прекрасными человеческими качествами, необыкновенной силой и трудолюбием. В образе Фархада воплощены не только все прогрессивные силы и идеи того времени, но и мечты о прекрасном, совершенном мире в будущем.

Обилие действия, изумительное разнообразие картин, стройно сложная композиция, пленительные образы главных персонажей, восторженная и необычная любовь, преданная дружба Шапура и Фархада – все это, несмотря на значительные размеры поэмы, позволяет читать ее с большим интересом.

4. Тема любви в поэме “Лейли и Меджнун”

Следующая поэма “Пятерицы” Алишера Навои “Лейли и Меджнун” явилось новой страницей в развитии известного и широко популярного на Востоке сюжета. Автор попытался развить и глубже осветить трагическое начало, акцентируя особое внимание на положение женщины. Он внес много изменений и дополнений в характеры персонажей, несколько изменил сюжет и композицию, уделил особое внимание внутреннему миру своих героев, особенно образу главной героини. При этом многие картины и эпизоды отличаются реальностью и взяты автором из жизни общества той эпохи, во многом трагической для восточной семьи.

Краткое содержание следующее. Единственный сын предводителя племени Кайс, чуткий и впечатлительный юноша, окружен заботой мудрого и достойного отца. С раннего возраста он проявляет свои удивительные способности, особенно умение “облекать слово в живую плоть”, т.е. проявил поэтический талант. Встреча в школе с красавицей Лейли была уготовлена судьбой:

*Увидел Кайс весеннюю зарю,
И стал он весь подобен янтарю...*

*По телу слабому прошел озноб,
Росой холодной увлажнился лоб.*

*Он чувствовал: сейчас конец придет,
В беспмятстве сейчас он упадет.*

*Его лицо менялось каждый миг.
Он обезумел: он любовь постиг...*

*Лейли глядит – и видит только страсть.
Да, и она любви узнала власть!*

Между молодыми людьми вспыхнула любовь, и ничто не может осудить пыл влюбленного. Он создает прекрасные газели, воспекает Лейли и глубоко страдает по возлюбленной, как безумный. Его нарекают Меджнуном.

Видя страдания сына, отец посылает сватов в дом к Лейли, но получает жестокий отказ. Глупый и зависимый от людской молвы, отец девушки считает себя оскорбленным. Его черствость и высокомерие наводят ужас, в том числе и на Меджнуна. Возлюбленный бежит в степь и заводит дружбу с дикими животными.

Родители юноши вновь пытаются вернуть сына к жизни и отправляются с ним в хадж к мусульманским святыням:

*Меджнун готов забыть для Кабы все.
Да, Каба исцелить могла бы все!*

*И, нищих одаряя без числа,
Семья Меджнуна в Мекку понесла.*

Однако Меджнун не в силах отказаться от земной любви. Обращаясь к Аллаху, он восклицает:

*Достоин места я в твоём раю?
Дай вместо рая мне Лейли мою.*

В дальнейшем действия в поэме разворачиваются стремительно. Появляется новый персонаж – влиятельный и знатный глава одного из племен Науфаль. Он обладает самыми благородными человеческими качествами, наделен мудростью и обаянием. Познакомившись с Меджнуном, Науфаль пытается помочь другу, но все его попытки встречают непонимание со стороны отца Лейли. В конце концов, между племенами начинается война. Прямолинейность, жестокость и ограниченность отца Лейли ставят возлюбленную Меджнуна на грань смерти. Алишер Навои подчеркивает в этот момент, что никто на совете племени не содрогнулся от бесчеловечных слов отца Лейли, никто даже не вспомнил, что прекрасное создание может быть лишено жизни, не говоря уже о том, что сама человеческая жизнь священна.

По настоянию Меджнуна война прекращена. Однако это ничего не меняет. Ничто не в силах изменить мнение отца Лейли. Да и Меджнун из-за любви уже не может жить как все “разумно”.

Любовь сильней жизненных обстоятельств, и молодые воссоединяются. Правда, жить на земле им остается недолго, но любовь их становится вечной. Финальная сцена поэмы – это гимн страстной, пламенной любви, но, к сожалению, любви трагической. Любовь торжествует, даже если герои умирают. И автор показывает, что в сознании людей все-таки происходят перемены.

5. Художественное мастерство А.Навои в поэме “Семь планет”

Высокими гуманистическими идеями, стремлением к самопожертвованию ради верности и добра пронизана и четвертая поэма – “Семь планет”. В этой поэме, содержащей занимательные сказочные сюжеты, Навои предстает перед нами как совершенный художник слова, создающий произведения во имя торжества правды и справедливости, как поэт, обогативший мировую литературу волшебными жемчужинами поэзии. Слово для него не самоцель; он осуждает пустую, бессодержательную игру в стихосложение. Поэзия должна быть идейной, наполненной смыслом. Во вступлении к “Семи планетам” Навои пишет:

*Со словом кто б соперничать желал?
С ним рядом горек мед и бледен лал...
Его краса заключена внутри:
Она зовется мыслью. Посмотри...
Пока томится слово взаперти,
Не может мысль нам пользу принести.
Но мысль пленяет, вдохновляет нас,
В словесный облаченный атлас.*

Поэт должен, создавая свои произведения, развивать и совершенствовать свой талант во имя служения народу. Ради этой высокой цели Навои и создал свою поэму:

*Пусть зашумит словесный сад листвою,
Пусть грянет звонко соловей живой,
Пусть пенье громогласного певца
И вдохновит, и опалит сердца.
Пусть сад растет, не ведая границ,
Пусть не смолкают в нем напевы птиц.
Пусть сад цветет, исполненный щедрот,
Пусть песню соловья поймет народ!*

Центральным героем поэмы является легендарный древнеиранский государь Бахрам-Гур (Бехрам-Гур), образ которого был опозитизирован. Фирдоуси уделил Бахрам-Гуру внимание в “Шахнамэ”, Низами – в “Семи

красавицах”, Амир Хосров – в поэме “Восемь райских цветников” (“Хешт бешишт”).

Высоко ценя художественные достоинства поэмы предшественников, Навои критически отнесся к выведенному в них образу Бахрам-Гура. Авторы, полагает Навои, слишком близко следуют хроникам, описывающим жизнь древних шахов. Навои не хочет идти по этому пути, тем более, что очень обстоятельное жизнеописание Бахрам-Гура уже есть у его предшественников. Дополнять его нет смысла, их повесть такова, что

*И без того немало в ней длиннот!
Кто прелесть в повторении найдет?
Коль слово дважды произнесено,
Утрачивает красоту оно.*

Навои говорит также, что хотя поэмы Низами и Амира Хосрова о Бахрам-Гуре и красавицах даны “на радость людям”, они не содержат изображения страданий влюбленных, не озарены светом любви.

В этих замечаниях проявляется стремление Навои сделать более человечными образы своих героев. Навои критикует поэмы Низами и Амира Хосрова с позиций реалистического понимания сюжета. В этих поэмах царевны, жены Бахрам-Гура, прибывшие из “поясов” земли, каждая в построенном специально для нее дворце, рассказывают ему сказки. Навои пишет, что захмелевшему Бахрам-Гуру было не до сказок, да и рассказывание сказок – не дело царевен.

Навои считает неуместным и воспевать такого пьяницу и невежду, ничего хорошего не сделавшего для народа, каким изображают Бахрам-Гура его предшественники. Поэтому он подчеркивает, что его герой имел некоторые положительные черты. Когда он занял царский престол, то улучшил положение народа:

*Все грабежи пресек его булат.
Убив дракона, раздобыл он клад.
Разбогатев, он на семь лет вперед
От податей освободил народ.*

Здесь Навои выдает Бахрама за идеального правителя, близкого взглядам самого поэта. Зато, когда его Бахрам забыл о народе, Навои жестоко осудил действия своего героя.

Однажды на охоте Бахрам встретил знаменитого художника Мани и влюбился в китаянку Диларам, портрет которой тот ему показал. Заслав сватов и послов, Бахрам купил красавицу. Рассказывая об этом, Навои с возмущением говорит о “законном” в его время обычае продажи невест:

*Купцом за деньги продана душа,
Такая низость – свойство торгаша.*

Со времени женитьбы на Диларам Бахрам забросил государственные дела. Предавшись развлечениям, он доверил управление государством вельможам, не заботившимся о подданных. Бахрам видит, что создавшееся

положение грозит гибелью государству, но не в силах отказаться от удовольствий и от увлечения Диларам. Только случай на время выводит его из этого состояния. На охоте, оскорбленный замечанием Диларам, Бахрам приказывает связать ее и бросить в пустыне. Уже утром следующего дня Бахрам раскаялся; но Диларам не нашли. С горя царь заболел. По указанию врачей, искавших средств для исцеления Бахрама, ему строят семь дворцов, в которых поселяют семь царевен. Но ничто не развлекает Бахрама. Тогда к нему приводят случайных путников, которые по вечерам развлекают его сказками. Эти сказки и составляют основу поэмы.

Из рассказа последнего путника Бахрам узнает, что Диларам жива, мчится к ней и вновь соединяется со своей возлюбленной. Таким образом, поэма, построенная как своего рода сборник сказок, в котором рассказ о Бахраме и Диларам как бы обрамляет волшебные новеллы, составляющие основу всего произведения.

Встреча Бахрама и Диларам была трогательной, но она не изменила шаха; вновь, как и после первого свидания с Диларам, Бахрам забросил заботы о государстве, предался развлечениям, пирам, вину. Так продолжалось до его кончины.

Предшественники Навои изображали смерть Бахрама как таинственное исчезновение, поглощение в пещере, уход туда, где “дело у Бахрама есть”. Тем самым они сохраняли легендарные, космогонические черты этого образа древнего Бахрама – Солнца. Навои реалистически объясняет гибель Бахрама: он считает, что Бахрам сам виновен в своей гибели. Непосредственная же причина его смерти вполне естественна: она произошла от неосторожности людей, в азарте охоты позабывших о разбушевавшейся стихии. В связи с этим Навои дополняет прежнее толкование прозвища Бахрама, производя его не от “гур” онагр, дикий осел, а от “гур” могила.

Пресыщенный удовольствиями, Бахрам устроил грандиозную охоту. Множество зверей было согнано для истребления. Но и звери, и охотники попали в зыбкую трясины, подсохшую сверху. Когда хлынули потоки крови убиваемых зверей, начался сильнейший ливень и

*С болотную водою кровь слилась,
Людей по пояс засосала грязь...
Вот двое ловчих крепко обнялись,
Чтобы спастись, они в одно слились.
Но в миг, когда они слились в одно.
Трясина затянула их на дно.
Напал на всех, как муравейник, страх.
Как муравей, ушел под землю шах.
Его жилье отныне – яма, гур.
Недаром прозвище Бахрама – Гур!
Исчез он вместе с войском навсегда,*

Ни вести не оставил, ни следа.

В картине гибели Бахрама, безусловно, заключено поучение. Поэт как бы предупреждал современных ему султанов и шахов, не заботившихся о благе народа и погрязших в болоте удовольствий и развлечений, что их подстерегает страшная участь.

Считая, что лучшие среди людей те, кто приносит народу больше пользы, Навои осуждал праздность, стремился помочь людям. Всякое знание, любое начатое дело, полезное народу, должно быть претворено в жизнь. В сочинении “Возлюбленный сердец” (Махбуб ал-кулуб”) Навои писал: “Изучивший науку, но в действие ее, не применивший похож на прокопавшего оросительный канал, но не посеявшего семени, или посеявшего, да урожая не снявшего”.

6. Образ Александра Македонского, государя и полководца в поэме “Стена Искандера”

Навои чужды беспечность, бездеятельность и малодушие, он призывает к активности, к смелой, мужественной борьбе за счастье и справедливость. Эти высокие идеалы Навои развивает и в последней поэме своей “Пятерицы” “Стена Искандера” (“Садди Искандари”).

“Стена Искандера” посвящена Александру Македонскому, хотя в ней Навои, подобно Низами в “Искендернамэ”, не ставит целью воспроизвести исторический облик великого полководца древности. Для Навои Александр Македонский (Искандер) – идеальный государь, стремящийся к справедливости и счастью народов. Уже с первых дней царствования Искандер, по Навои, на два года освобождает подданных от подати – хараджа, заботится о бесперебойной торговле, для чего устанавливает сторожевые посты на караванных путях, следит за базарными ценами, проверяет весы и клеймит гири, показывает тех, кто поднимает руку на беззащитного и притесняет народ.

В походах Искандеру сопутствует успех. Этому способствует его высокие качества государя и полководца. Он умен и прозорлив, мужествен и смел, применяет разнообразное оружие и разные формы военного искусства, не теряет самообладания, даже выступая против сильнейшего врага. Одержав победу, он останавливает тех, кто, подобно современным Навои завоевателям, предавал покоренных огню и разграблению. Так, овладев неприступной крепостью жестокого хана Маллы в Кашмире, Искандер проявляет заботу о его народе:

Любовней и заботливей отца

Он обнадежил скорбные сердца.

Сказал: “Вот отдал я приказ войскам,

Дабы обид не наносили вам!

И кто у вас веревку отберет,

Висеть на той веревке будет тот...”

В рассказе о походе против хана Маллу большое место уделено Средней Азии и Хорасану, родине Навои. С теплотой отзывается поэт о местах, где проходила его жизнь.

*Как солнце посреди планет своих,
Так Хорасан средь поясов земных.
А в Хорасане – величавый град,
Прекрасная душа – его Герат...*

Рассказывая о войсках Искандера, Навои допускает историческую условность. Он далек от войн исторического Александра Великого, но близок к современной ему действительности, правдиво воспроизводя отдельные моменты сражений в Средней Азии и Хорасане в средние века.

Навои страстно любил жизнь и стремился к лучшему будущему. Он писал, что “цветы жизни прекраснее всего”, и все его помыслы были обращены к тому, чтобы избавить эти цветы от пагубной для них грязи.

Навои жил в век величайших географических открытий, в эпоху Возрождения. Это нашло живой отклик в его произведениях, особенно в “Стене Искандера”.

Особое значение имеет глава, посвященная морскому плаванию македонца. Она вносит очень много нового в изображение Искандера и его походов, благодаря чему воспринимается как самостоятельная вторая часть поэмы.

Еще гениальный хорезмиец Абу-Рейхан Бируни (973-1048) в своей “Книге, содержащей разъяснение принадлежащих индийцам учений, приемлемых разумом или отвергаемых” привел доказательства шарообразности Земли. Если “не учитывать шарообразность” Земли, то “все (астрономические) расчеты будут неверны”. Навои же в художественном произведении пишет, что “мир – это шар”, и приводит веские доказательства:

*Когда корабль крылатый девять лет
И семь, быть может, месяцев вослед
Под парусами Океан пройдет.
Вновь к месту отправленья приплывет.
Коль он уйдет на солнечный восход,
То с запада обратно приплывет.*

Исходя из шарообразности Земли предпринимает морское путешествие главный герой поэмы Навои - Искандер. При этом он руководствуется вычислениями сопровождающих его ученых:

*И рассчитав экватора длину,
И вымерив морскую ширину,
Решили – к центру Океана им
Пути три года будет с небольшим.*

В год, когда Навои писал эти строки, Христофор Колумб, исходя из учения о шарообразности Земли, расчетов космографов и опыта мореплавателей XV в., представил разработанный им проект плавания к восточным берегам Азии западным путем. Прошло еще семь лет упорной борьбы, прежде чем корабли Колумба вышли в Атлантический океан...

Искандер у Навои – беспокойный, всеобъемлющий ум, неизменно проявляющий живой интерес ко всему окружающему, предприимчивый и отважный искатель, ломающий преграды, герой Нового века, которого не знали древность и раннее средневековье. Искандер заявляет:

*Я плавал, жаждой знанья обуян,
Но цель пути – всемирный Океан.
В захвате мира не было мне нужд,
Завоеваний жажды стал я чужд.
Нет, цель моя была – не слабых бить,
А прямо к центру океана плыть.
Кто в мире сокровенное познал?
Таких людей досель я не встречал.*

Высказанное в этой главе “Стены Искандера” заставляет вспомнить идеалы эпохи Возрождения, хотя они и определены конкретной исторической обстановкой Италии XIVXVI вв.

Новое, передовое при жизни Навои рождалось в ожесточенной борьбе со старым, тянувшим назад. Это отразилось на образе главного героя “Стены Искандера”. Реалистические черты, проявленные, например, в изображении сложных и интересных переговоров Искандера с хаканом Чина, снижены признанием, будто Искандер в своих действиях не волен, а поступает он по полученному свыше предопределению. То же и в главе о морском плавании, Искандер, преодолев множество препятствий, достиг центра Океана; погрузившись в особо оборудованной стеклянной сфере на его дно, он постигнул не только земные просторы, но и то, что находится под водой. Однако внезапно Искандер теряет интерес к жизни. Он достигает святости и сана пророка, а “божественная истина”, как известно из истории ислама и других религий, должна остаться неведомой людям; поэтому тот, кто ее постиг, исключается из жизни.

Народная фантазия, отражая стремление познать окружающую природу и тем самым облегчить жизнь людям, еще в незапамятные времена создала красочные легенды, герой которых погружался в море, был в гостях у “морского царя”. К таким сказаниям в известной мере восходит и легенда о погружении Искандера на дно моря в стеклянном ящике или в особой сфере. Не надо забывать, что в облике Искандера – справедливого государя – немало от народной веры в “хорошего” царя, мудрого правителя, идея которого не раз выдвигалась в ходе демократических движений, в борьбе крестьян и ремесленников против феодалов. В изображении спуска Искандера на дно Океана, Навои, как он сам отметил, следует Амиру

Хосрову. В поэме “Зерцало Искандера” (“Аинаи Искандари”) Амира Хосрова божественный вестник Суруш, показывающий Искандеру чудеса моря, предупреждает, что жить ему осталось недолго. В этом эпизоде заметно влияние религии, вытравлявшей жизнеутверждающее начало народного сказания о спуске героя “на дно моря”. По этому истолкованию божественная “истина” если и приоткрывается человеку, то не для того, чтобы ею могли воспользоваться люди. В том, что это версия получила отражение у Навои, безусловно, сказались противоречия его времени. В государстве Султана Хусейна ислам являлся государственной религией, и существовала жестокая духовная “цензура”; духовный наставник Навои, поэт Джамии, был в Герате главой дервишского ордена накшбандия. Напомним также, что хотя наука и техника не нуждается в “божественной” санкции, но, например, в составленных потомственным арабским кормчим второй половины XV в. Ахмадом ибн – Маджидом лоциях содержатся ссылки на патрона моря и мореплавателей святого Хызра, часто объединяемого с образом пророка Ильяса (Ильи); от него якобы даже остался мореходам такой важный прибор, как буссоль. По словам Навои, Ильяс “в трудный час” приходил “на помощь” Сократу. Вместе с Сократом он рассчитал, что корабли “достигли центра вечных вод”!

Традицией определено и название поэмы – “Стена Искандера”. Согласно Корану и мусульманской легенде, Искандер (ЗульКарнейн) воздвиг стену, чтобы отгородить народы от злобного племени яджуджей и маджуджей. В средневековой литературе яджуджи и маджуджи обычно отождествлялись с персидскими словами “Чин” (Китай) и “Мачин” (Китайская империя) или рассматривались как синонимы библейских Гога и Магога. В сказании же о построенной Искандером на их пути преграде позднее усматривали фантастическое отражение рассказов о Великой китайской стене или заградительных сооружениях против гуннов и иных врагов на Кавказе, в Иране и Ираке. Низами поместил эту стену где-то на крайнем северо-востоке. Однако уже в XIV в. сатирик Убейд Закани в своих “Определениях” относится к представлению о яджуджах и маджуджах как к синониму зла, имея в виду монгольских завоевателей. “Адские муки, писал он, их продвижение вперед. Голод – результат их пребывания. Конфискация и поборы – их гостинцы. Столпы смуты – их бунчуки. Грабеж – их ремесло. Стрижка наголо – их богатство. Час землетрясения – время, когда они сваливаются на голову...”.

У Навои название поэмы “Стена Искандера” тоже условно. Не случайно поэт рассказывает о яджуджах и стене, преградившей им путь, продолжая не менее фантастическое повествование о чудовищных муравьях, пожирающих людей, и страшных исполинах, бодрствующих и затем спящих по десяти суток подряд, фантастике, встречавшейся на пути Искандера в его походе из Омана на Запад, в Магриб, и оттуда в Рим, на родину.

Ученые, находившиеся на кораблях Искандера, вели поиск, интересуясь всем встречавшимся в пути. Собранный ими материал помогал плаванию. Поэтому его не только отсылали в Рум, на родину Искандера, но и хранили на одном из кораблей под наблюдением сведущих людей.

Как обычно, прибегая к гиперболе, Навои замечает, что так было обследовано двенадцать тысяч островов:

*И совершили описания их,
И начертили очертанья их.*

С помощью алгебры, математических расчетов “измерили поверхность воды”:

*По долготе и широте частей
Исчислили размер планеты всей.*

И, даже сохранив древнее представление, по которому Океан охватывает всю Землю, поэт отметил, что Афлатун и другие мудрецы Искандера “измерили его объем”.

Эмоциональны и красочны у Навои картины моря, а также рассказы о переживаниях мореплавателей:

*В покровах драгоценных существа
Снуют, блестят; волна от них жива.
Пучина светится от их лучей,
Как от неместных трепетных свечей.
Сперва страшились души моряков,
Что загорится дерево судов.
Но кораблям тот не грозил огонь,
Прохладный это, влажный был огонь.*

Навои одинаково относится к людям разных племен и стран. Это прогрессивная черта полнокровно проявилась в пятой поэме его “Пятерицы”, в рассказе веков является одним из наиболее ярких примеров литературного общения Востока и Запада. Оканчивая “Стену Искандера”, Навои имел все основания вложить в уста своего предшественника, поэта Низами, вещице слова:

*Ты совершил свой труд. Века пройдут,
Но дум твоих плоды не опадут.*

“Стена Искандера”, как и вся “Пятерица” Навои, будила в людях уверенность в ценности человеческой личности, возвышала разум и волю человека, развивала идеи Нового века, волновавшие передовых людей всех известных тогда континентов. Это оригинальное произведение – живое свидетельство культурной преемственности и взаимосвязей народов Востока и Запада, находивших яркие проявления, как в глубокой древности, так и в эпоху, когда творил Навои, время, знаменовавшееся великими географическими открытиями и кризисом средневековья, его схоластического мировоззрения.

Завершение “Хамсы” именно данной поэмой нужно рассматривать, на наш взгляд, как страстное желание автора еще раз в концентрированном виде изложить свои взгляды на общественное устройство, на жизнь и многие нравственные категории.

7. Значение “Хамсы” А.Навои в развитии литературы

Передовое гуманистическое мировоззрение Навои и высокие художественные достоинства его произведений обусловили им широчайшую популярность. Народ сложил о Навои легенды и предания, рассказы, полные жизнерадостности и остроумия. В них поэт обычно изображается не только как человек, по своим достоинствам стоящий выше султана, но и как разоблачитель всего рутинного и злого, успешно выходящий из всякого рода трудных положений.

Многие выдающиеся деятели литературы и общественной мысли не только узбекского, но и таджикского, туркменского, казахского, азербайджанского, татарского, каракалпакского народов испытали благотворное влияние Навои. Муками, М.Ахундов, Абай, Абдулла Тукай, Махтум Кули, Бердах, основоположники нового демократического направления в литературе своих народов, высоко ценили Навои, считали его одним из своих учителей.

Вот что говорил, например, Абай:

*“Шамси, Саади, Физули,
Хафиз, Навои, Сайхали,
Фирдоуси, молодому поэту,
Великие, вы помогли”.*

Многочисленные факты говорят о том, что Навои, как и другие выдающиеся деятели культуры народов региона, не только при жизни, но и после, в течение длительного времени, играл большую роль в развитии передовой общественной мысли и литературы не только на своей родине, но и далеко за ее пределами.

Аннотация: В тексте данной темы речь идет о “Хамсе” возникшей в XII в. Делается экскурс в историю развития жанра, проводится сопоставительный анализ, выявляются отличительные черты “Хамсы” Навои от предшественников. Частично проделан функциональный анализ.

Вопросы и задания:

1. Когда возникла “Хамса”, и кто основоположник этого жанра?

2. Что нового привнес Навои в свою “Хамсу”?
3. Чем отличается любовь в поэме “Фархад и Ширин” от любви в поэме “Семь планет”?
4. Дайте портретную характеристику Фархада.
5. Напишите сочинение на тему: “Фархад – любимый герой Навои”.
6. Напишите реферат на тему: “Образ Искандера в мировой литературе”.
7. Составьте библиографию основных работ на русском языке за период с 1991 года, посвященных жизни и творчества Алишера Навои.
8. Подготовьте научный доклад или сообщение по одной из указанных ниже тем:
 - *Традиции “Хамсы” в восточной литературе;*
 - *Идеи суфизма в творчестве Навои;*
 - *Мистика и реальность в поэзии Алишера Навои.*
9. Подготовьте реферат объемом до 10 страниц стандартного машинописного текста по одной из указанных ниже тем:
 - *Историческая обстановка в период жизни Алишера Навои;*
 - *Дружба Джами и Навои;*
 - *“Хамса” Низами и Навои: общее и своеобразие;*
 - *Алишер Навои как литературовед;*
 - *Алишер Навои как языковед.*

Словарь:

Дастан – жанр эпического повествования в стихах.

Тема – общественная проблема, поставленная в художественном произведении.

Идея – то, что особенно интересует писателя, является для него существенным вопросом жизни и которой он уделяет наибольшее внимание.

Хамса – в восточной литературе крупное эпическое произведение, состоящее из пяти крупных поэм (дастанов), написанных на известные сюжеты.

Композиция – построение художественного произведения.

А.Х.Дехлеви (1253-1325) – поэт, уроженец Индии.

Джами (1414-1492) – знаменитый таджикско-персидский поэт, старший друг и наставник Алишера Навои.

Низами (1141-1209) – азербайджанский поэт, автор “Хамсы”

Искандер – Александр Македонский (356-323 до н.э.), великий полководец древности. Чрезвычайно популярный в устной и письменной литературе народов Центральной Азии персонаж. Легенда приписывает ему обладание волшебным зеркалом, в котором перед ним представал весь мир.

Метафора – как и сравнение, переносит свойство одного предмета или явления на другой. Если сравнение имеет два компонента, то в метафоре присутствует только один, а другой скрыт, о нем только подразумевается.

Эпитет – художественное определение, подчеркивающее наиболее существенный признак предмета или явления.

Наме – произведение, посвященное какому-либо адресату.

Обрамление – рассказ в рассказе.

Арасту – восточная форма имени Аристотеля (384322 до н.э.), знаменитого древнегреческого ученого и философа.

Калам – перо для писания, изготовлявшееся из высушенного тростника.

Камфара – ароматическое и лекарственное вещество в виде белых кристаллов; в поэзии – символ белизны, седины (старости), утра.

Лал – рубин.

Литература:

1. В.Жирмунский. А.Навои и проблема ренессанса. М., 1967.
3. Н. Конрад. Средневосточное возрождение и А.Навои. М., 1969.
4. Е.Бертельс. Навои и Джами. М., 1956.
5. В. Захидов. Мир идей и образов Алишера Навои. Т., 1961.
6. Ю.Лотман. Структура художественного текста. М., 1970.
7. М.Арипов. Гуманизм Алишера Навои. – Т., 1991.
8. М.Хайруллаев. Эпоха Возрождения и мыслители Востока. – Т., 1971.
9. Н.Маллаев. Гениальный поэт и мыслитель. – Т.: Фан, 1968.
10. А.Навои. Собрание сочинений в 10ти томах. – Т.: Фан, 1968.
11. Г.Алиев. Темы и сюжеты Низами в литературах народов Востока. – М., 1983.
10. А.Абдугафуров. Буюк бешлик сирлари. – Т., 1993.
11. Ф.Хамраев. Великий гуманист//Преподавание языка и литературы, 1991. №2.
12. В.Н.Владимирова. Алишер Навои//Преподавание языка и литературы, 2000. №6.
13. Ф.Хамраев. Жизнь и творчество Алишера Навои//Преподавание языка и литературы, 2002. №2.
14. А.Эркинов. Источники интерпретации “Хамсы” Алишера Навои в ХVXX вв. Автореф. докт. дисс. – Т., 1998.
15. С.Назруллаева. Тема “Лейли и Меджнун” в литературах народов ... Востока. – Т., 1983.
16. С.Эркинов. Алишер Навоининг “Фарходу Ширин”и ва унинг киёси тахлили. – Т., 1971.

5. ОСОБЕННОСТИ ПРОЗАИЧЕСКИХ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ А.НАВОИ (Обзор)

План:

1. Особенности поэмы “Язык птиц”.
2. Художественная проза.
3. Научно-филологическое наследие А.Навои.
4. Произведения А.Навои по истории и экономике.

Опорные слова: аллегория, иллюстрация, тазкира, аруз, диван, газель, таржибанд, афоризм, воззрения.

1. Особенности поэмы “Язык птиц”.

В 1499 году Алишер Навои пишет свою шестую поэму “Язык птиц”, которая, хотя и не входит в его “Хамсу”, но тесно к ней примыкает. Написана она под влиянием поэмы “Речи птиц” известного персидского поэта Фаридуддина Аттара. В свое время эта поэма произвела на поэта настолько сильное впечатление, что не вернуться к ней Алишер Навои не смог. “Язык птиц” это сложная философская поэма, в которой посредством аллегорических образов и богатой символики Навои излагает свои взгляды на действительность, религию и многие другие важнейшие вопросы жизни. В центре его поэмы находится человек – тень бога. Но тень полная мудрости и сознания:

*Как сокровище скрыт он, и суть его тайна,
Блещет в зеркале мира красы его тайна.*

*И когда он явить себя миру решил,
Он затмил своим блеском сиянье светил.*

*И в лучах его солнцеподобного блеска
Сто миллионов теней обозначились резко.*

*И к теням, засверкавшим по дальним просторам,
Вездесущим своим обратился он взором.*

*Образ птиц всего мира, все их существо –
Знай: то тень многомудрой природы его.*

С большим мастерством Навои выражает свое отношение в поэме к суфизму. Представитель суфизма и его проповедник выведен в образе Удода. При этом Навои свои прогрессивные идеи развивает в рассказах, которые приводятся автором как иллюстрации к ответам Удода на разнообразные вопросы птиц.

2. Художественная проза.

Значительное количество произведений написано также и в прозе. В последние годы жизни Алишер Навои создает прозаические произведения “Пятерица смятенных”, “Жизнеописание Саида Хасана Ардашера”, “Жизнеописание Пахлавана Мухаммада”, “Письма”, “Возлюбленный сердец”.

“Пятерица смятенных” (1494г.), посвящена наставнику и другу Навои Абдурахману Джами. Она написана после смерти учителя. Навои описывая гениальную личность своего времени, приводит в произведении много неизвестного из жизни великого поэта.

В “Жизнеописаниях” (1488-1493гг.) образы Саида Хасана Ардашера и Пахлавана Махмуда написаны душевно, с большей искренностью, описываются основные события из жизни учителей Алишера Навои, их встречи, характер и мирозерцания, которые оказали большое влияние на формирование поэтического кредо великого узбекского поэта.

В “Письмах” (“Муншаат”) (1493 г.) включены 88 писем поэта (в основном прозаические), которые написаны близким друзьям и поклонникам. Это поздравительные письма, политические назидания, благородные послания поэта. В основном они направлены правителю Хоросана Хусейну Байкаре и его сыновьям.

В “Возлюбленном сердце” поэт в художественной форме излагает свои социально-политические, философские и морально-этические взгляды, жизненные воззрения. Он создает яркие характеры и портреты, использует многочисленные художественные приемы. Произведение изобилует стихами, небольшими рассказами, афоризмами.

“Возлюбленный сердце” состоит из трех разделов. В первом разделе “О нравах и поступках людей” автор пишет о социальных сословиях и о людях, занимающихся различными ремеслами. В сорока главах раздела Навои последовательно говорит практически обо всех: начиная со справедливых царей и заканчивая кутилами, дервишами и нищими. Он дает им оценку, утверждая, что лишь люди труда, особенно дехкане, заслуживают почета и уважения. При этом Алишер Навои считает, что жестокость со стороны властей не допустима. Власть должна не подавлять, а создавать условия и контролировать жадных и аморальных ростовщиков и людей, им подобных. В этом разделе книги много интересного и поучительного. Важно отметить, что практически после каждого прозаического текста автор приводит небольшой поэтический отрывок (бейт, рубаи, масневи), подтверждающий его суждение.

Во втором разделе, состоящем из десяти частей, автор выражает суждения о морали, об основных человеческих качествах. Можно привести названия некоторых из частей, чтобы убедиться в том, какое важное значение придавал Навои нравственности: о покаянии, о довольстве малым, о терпении, о любви и т.д.

В третьем разделе содержатся многочисленные нравоучительные рассказы, мудрые и красивые изречения. Вообще произведение “Возлюбленный сердец” является одним из лучших образцов узбекской прозы.

Алишер Навои был не только выдающимся мастером художественного слова, но и известным литературоведом своего времени. Он создал три замечательных литературоведческих произведения, которые до сих пор не потеряли своей актуальности.

3. Научно-филологическое наследие А.Навои.

Наиболее значимое литературоведческое произведение Навои “Собрание избранных”. Это сочинение, написанное в жанре тазкира, небольшие статьи о жизни поэтов с приведением наиболее интересных образцов их творчества. Это своеобразная авторская антология поэтов, живших до XVI века.

“Собрание избранных” было написано Алишером Навои в 1491-1492 гг. и доработано было в 1498-1499 гг. Сочинение содержит восемь разделов – маджлисов, отражающих собой определенную группу поэтов.

Первый маджлис включает в себя поэтов, последний период жизни которых совпал с юными годами Алишера Навои, но поэт их лично не знал;

Второй маджлис – поэтов, которые ко времени написания “Собрания избранных” умерли;

Третий маджлис – поэтов, которые ко времени написания “Собрания избранных” были знакомы с Навои и дружили с ним;

Четвертый маджлис – непрофессиональных поэтов-современников;

Пятый маджлис – знатных людей, пишущих стихи;

Шестой маджлис – поэтов, живших вне Хорасана, но известных Алишеру Навои;

Седьмой маджлис – представителей династии Тимуридов, писавших стихи;

Восьмой маджлис – поэтическое творчество султана Хусейна Байкары.

Значение этого произведения необычайно велико. Алишер Навои в яркой и увлекательной форме делится об окружающей его литературной среде. Обращает на себя внимание четкая классификация работы и аргументированные воззрения самого автора.

Другое литературоведческое произведение Алишера Навои “Весы стихотворных размеров” написано в зрелые годы. Оно не только отражает весь комплекс теоретических познаний гениального поэта в области стихосложения, но и является первым в тюркоязычной литературе обобщением того, чего достиг *аруз* вплоть до XV века. В глубоко теоретическом сочинении автор изложил основы ведущего типа стихосложения на материале тюркоязычной литературы.

Третья литературоведческая работа Алишера Навои “Трактат о жанре муамма” посвящена природе и художественным достоинствам жанра муамма – своеобразных стихотворных шарад. Этот жанр не был широко популярным, но, вместе с тем, являлся достаточно интересным. Навои впервые подвергает комплексному анализу жанр муамма с профессиональной точки зрения. Он показывает не только его занимательность, но и поэтическую красоту.

Алишер Навои является автором и лингвистического трактата “Суждение о двух языках”. В этом труде автор на основе богатого литературного опыта разрабатывает теоретические основы узбекского литературного языка и показывает его богатство и красочность. При этом он подвергает жесткой критике всех тех, кто не верил в неисчерпаемые возможности узбекского языка и его исторической роли.

А.Навои не только практически решает эту задачу, но и обосновывает ее теоретически в знаменитом трактате “Суждение о двух языках” (1499), “Богатство тюркского языка, пишет в сочинении Навои, подтверждается многими доказательствами, и нужно было бы, чтобы появившиеся из среды народа даровитые люди приложили бы способности и дарования свои к собственной речи, а не проявляли бы себя в иных языках и не стремились бы к этому делу. А раз уж у них есть способности писать на обоих языках, им надо было бы больше писать на своем языке...”

В “Суждении о двух языках” Навои подвергает глубокому анализу свой родной язык и сравнивая его с таджикско-персидским, утверждает, что словарное богатство его неисчерпаемо. Он приводит многочисленные примеры разветвленной синонимии узбекского языка и перечисляет такие его возможности, которые отсутствуют в других языках.

Но главная заслуга Навои, ставящая его в один ряд с великими классиками мировой литературы, состоит в том, что он явился основоположником узбекской литературы и создателем узбекского литературного языка.

Навои, писавший также и на таджикско-персидском языке, прекрасно владевший современным ему искусством стихосложения и сам отдавший дань увлечению стихотворной техникой, тем не менее, не мог не видеть тех разрушительных тенденций, которые приводили к измельчанию литературы. Начав свою литературную деятельность с таджикско-персидских стихов, Навои с течением времени все отчетливее осознает необходимость создания литературы на языке своего родного народа.

Алишер Навои относится к числу тех художников слова, которые занимают особое место в истории мировой литературы. Его бессмертные творения стоят в одном ряду с произведениями величайших поэтов мира, его гуманистические и патриотические идеи, идеи дружбы и любви близки и дороги всем поколениям людей.

4. Произведения А.Навои по истории и экономике.

Навои также автор ряда трактатов на историческую тематику “История аджамских царей” (1488г.), “История пророков и мудрецов” (1485-98гг.), и “Вакфия” (1481г.) трактат об экономических отношениях вакуфных земель.

“История аджамских царей” - это своего рода хроника иранских правителей начиная с Каюмарса до последнего представителя династии сасанидов Язди Шахрияра. Навои обогатил новыми фактами “Историю Табари” и “Шахнаме”, систематизировал ранее написанные хроники Ирана, дал оценку с точки зрения своего времени.

“История пророков и мудрецов” состоит из двух частей: в первой излагаются исторические и хроникальные сведения о пророках от Адама до Мухаммада, во второй – о великих мудрецах, таких как Пифагор, Сократ, Платон, Аристотель и др. их достоинствах и поучительных качествах.

“Вакфия” - важный документ для изучения общественной, экономической и культурной жизни XVв. В нем кратко изложены благотворительные замыслы Навои, его деятельность в этой области. Книга состоит из двух частей со стихотворными вставками: первая часть теоретическая, вторая - практическая, в них речь идет о вакуфных землях и недвижимости, о средствах, выделенных на содержание вакуфных учреждений и оплату должностных лиц.

Историко-экономические произведения были объектами научных исследований Н.Веселовского, Якубовского, Я.Гулямова, В.Захидова, Б.Ахмедова, Л.Халилова и др.

Творческое наследие Алишера Навои воссоздает колоссальную фигуру великого поэта и мыслителя, жившего и создававшего свои произведения в эпоху безграничного господства средневекового мракобесия, деспотизма и фанатизма. Трудным и мучительным был жизненный путь передового человека и великого художника в этих условиях. Взгляды Навои со всей сложностью отражают жестокое борение в нем тех начал, которые делали его сыном своего времени, и гуманистических идей, возвышавших его над современниками.

Глубокой скорбью окрашены последние годы жизни поэта. Проницательный мыслитель и чуткий художник, Навои не мог не понимать шаткости и неосуществимости своих идеалов человеколюбия и благоденствия народа под властью мудрых правителей.

В произведениях под внешним покровом традиционных приемов и образов скрываются горячая мысль и беспокойное сердце большого художника, взлеты свободолобивой мысли и жестокие разочарования, вера в высокое призвание человека и жгучая горечь бессилия. Глубоко человеческая основа творчества Навои близка и дорога современному читателю.

Аннотация: В лекции данной темы речь идет о произведениях А.Навои по филологии, религии, истории и экономике, тем самым подтверждается мысль, что он был всесторонне развитым человеком.

Вопросы и задания:

1. Что общего между поэмой “Язык птиц” и “Речь птиц”?
2. Дайте определение аруза.
3. В каком произведении Навои разрабатывает теоретические основы узбекского литературного языка?
4. В каких произведениях четко проявляются суфийские воззрения Навои?
5. Напишите реферат на тему: “Особенности прозаических произведений Алишера Навои”.

Словарь:

Аллегория – образное иносказание.

Муамма – своеобразные стихотворные загадки, в которой в качестве отгадки зашифровано какое-нибудь имя. Муамма, как правило, состояла из двух или четырех строк.

Иллюстрация – подтверждение примерами.

Аруз – в классической восточной поэзии вид стихосложения, основанный на чередовании долгих и кратких слогов.

Диван – сборник стихотворений

Воззрения – взгляды.

Редиф – в восточной литературе поэтический прием, заключающийся в повторе одного слова или нескольких обычно после рифмы для усиления смыслового звучания. Встречаются произведения с редифом и перед рифмой, или в начале каждой строки.

Утопия – не существующее место.

Список литературы:

1. В.Захидов. Мир идей и образов А.Навои. – Т., 1961.
2. Е.Э.Бертельс. Суфизм и суфийская литература. – М., 1965.
3. З.Хамидов. Лексико-стилистические особенности языка поэмы “Лисан аттайр” А.Навои. АКД., 1982.
4. И.Хаккулов. Формирование и развитие узбекской суфийской поэзии (идейность, преемственность, традиций и мир образов). АДД. Т., 1995.
5. Айбек. Навоининг “Мажолис ан-нафаис” асари хакида. В кн. Айбек. Т.9. – Т., 1974.
6. Ф.Хамраев. Великий гуманист//Преподавание языка и литературы, 1991. №2.
7. В.Н.Владимирова. Алишер Навои//Преподавание языка и литературы, 2000. №6.

8. Ф.Хамраев. Жизнь и творчество Алишера Навои//Преподавание языка и литературы, 2002. №2.
9. Н.Маллаев. Гениальный поэт и мыслитель. – Т.: Фан, 1968.
10. А.Навои. Собрание сочинений в 10ти томах. – Т.: Фан, 1968.
11. Э.Рустамов. Страницы биографии Алишера Навои. Краткие сообщения ИНА., вып.63. – М.: ИВЛ., 1963.